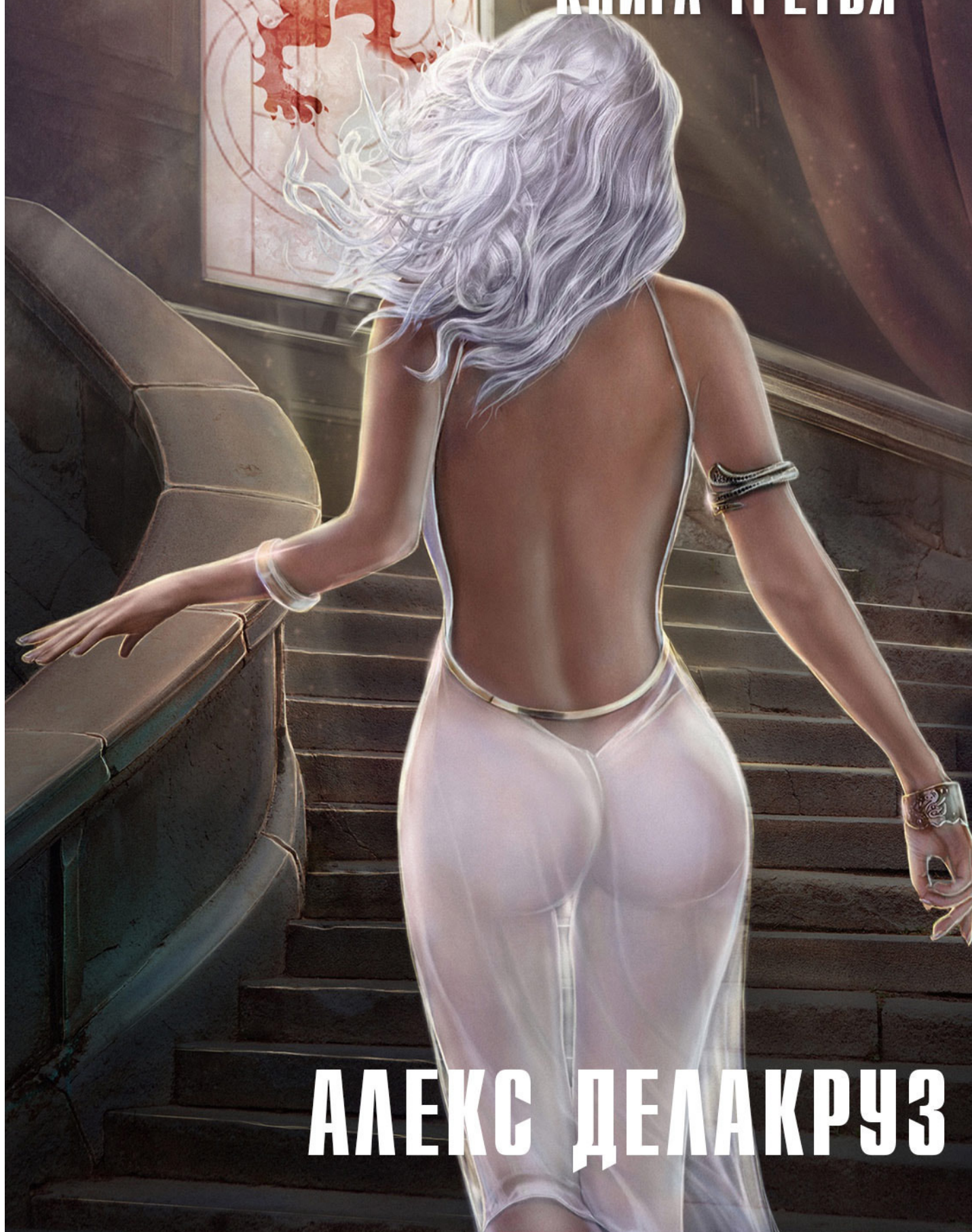

ЦАРЕТВОРЕЦ

КНИГА ТРЕТЬЯ

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Царетворец

Алекс Делакруз

**Царетворец. Волчий
пастырь. Книга третья**

«Автор»

2022

Делакруз А.

Царетворец. Волчий пастырь. Книга третья / А. Делакруз —
«Автор», 2022 — (Царетворец)

Еще вчера он был владетельным герцогом, любимцем власти и богов, армии и народа. Еще вчера ему улыбалась красавица невеста, а жизнь играла яркими красками... Вот только это «вчера» случилось сто девятнадцать лет назад, а сегодня он вернулся из Посмертия волею судьбы и богини Морриган. Вернулся когда все, что ему дорого, рушится как карточный домик. Вернулся в тело юного наследника фамилии, которого даже отец называет ничтожеством. Вернулся в самое начало пути, лишь первыми шагами которого ему придется пройти через предательство, любовь, власть силы. Третья книга серии Царетворец.

© Делакруз А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	30
Глава 6	32
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алекс Делаacruz
Царетворец. Волчий пастырь. Книга третья
Алекс Делаacruz

* * *

Глава 1

- Кавендиш.
- Рейнар.
- Нужно уточнить важный момент.
- Слушаю внимательно.
- Будет много крови.
- Я понял.
- Будет очень много крови и мало чести.
- Ты это уже говорил. Только что.
- Ты, наверное, не совсем понял. Мы будем в Северном Круге, и...
- И будет много крови, ты опять повторяешься.
- Да. И в этом будет мало чести, но много жестокости. Это будет казнь по законам нордлингов, по воле северных богов.
- Дуэль же?
- По плану сначала казнь, потом дуэль, потом снова казнь.
- Ух как затейливо. А как... ладно, неважно, не хочу даже спрашивать. Мы может все же пойдем отсюда?
- Я просто сейчас хочу еще раз окончательно расставить все нужные точки над буквами и предупредить тебя о том, что...
- Хватит меня уже уговаривать! Почему ты Ливию не спрашиваешь?
- Потому что она военная целительница и ее кровью не смутишь, это во-первых. И во-вторых, потому что во время казни мне будет нужен помощник, и я хотел бы, чтобы это был ты, а не Ливия.
- Я все понял. Но будет много крови, мало чести и много бла-бла-бла, как говорят терране-франки, – раздраженно перебил меня Кавендиш, не дав договорить. – Я понял уже все, понял! Ты снова повторяешься.
- Не говори потом, что я тебя не предупреждал.
- Мы так и будем стоять здесь или все же пойдем?
- Так ты готов стать палачом вместе со мной?
- Ты меня из себя хочешь вывести, я не пойму? Я тебе какое плохое зло сделал или что?
- Двадцать четыре девицы в борделе Клавдия...
- Ливия немного нервно усмехнулась.
- Рейнар, ну хватит, прошу тебя.
- Слушай старшую сестру, Рейнар. Мой тебе совет, она плохого не скажет.
- Я просто хочу...
- Мы все уже поняли, что ты хочешь. Да, ты нас предупредил, мы готовы к последствиям.
- И не говорите потом...
- ...что ты нас не предупреждал! – повышая голос, закончил Кавендиш. – Так мы идем?
- Да. Мы идем.
- И не говорите потом, что я вас не предупреждал.
- Боги, да прекрати уже!

Глава 2

Как я вполне здраво рассудил, если в Риме и Септиколии Конгрегация начала захват имущества Альба, то и в пределах Новгородской республики инквизиторы сунут свой нос во владения Великого Дома. А у Альба, конечно же, в Новгороде был свой особняк в предместьях. Имущества у белых львов, пусть и находящихся в состоянии определенного упадка, не было, наверняка, только в Разломах. Хотя и там, если спросить у Алисии, думаю что-нибудь да может обнаружиться.

Покинув запретную рощу, по утреннему холодку пустынных улиц двигаясь в сторону окраин столицы к особняку Альба, мы вскорости и вышли. В своих предположениях я не ошибся – магическое сканирование, выполненное Ливией, показало наличие в особняке пяти-шести инквизиторов. Вооруженных стрелковым оружием, но не владеющих силой.

В том, что в прибывшей в особняк Альба группе не было ни одного владеющего мага или даже аколита из Гильдии, не было ничего удивительного. Инквизицию, а тем более Конгрегацию, в Республике не привечали. Новгородские князья инквизиторов традиционно не жаловали, так что представительство Конгрегации в Новгороде было больше выставочным – чрезвычайный полномочный посол, да немногочисленная охрана, даже без наличия сколь-нибудь внушительного отряда силовой поддержки. Но на то, чтобы выделить нескольких человек, чтобы заявиться в особняк арестовывать имущество Альба, инквизиторов в Новгороде все же хватило.

Составление и обсуждение плана действий заняло у нас гораздо больше времени, чем его выполнение. И после моей команды к началу действий, после того как мы перебрались через забор со стороны заднего двора, все пятеро инквизиторов буквально за несколько секунд переставали подавать эманации жизни. Совершенно никаких сложностей у нас с ними не возникло – никто из бойцов в черных с серебром мундирах не сумел сделать даже выстрела. Как на тренировочном полигоне отработали, причем в расслабленном режиме. Спасибо сержанту-инструктору мастеру наставнику Блайду и магистру Никласу за учебу.

Впрочем, господа в черных мундирах с эмблемой всевидящего ока на груди прибыли описывать имущество, а вовсе не держать оборону. Но жалко мне их не было – мир перевернется, когда индигеты Запада начнут жалеть инквизиторов. Пусть скажут спасибо, что на трупы не плюю.

– Надо же, никогда не думал, что буду в рабочем порядке убивать инквизиторов, – в унисон моим мыслям произнес Кавендиш.

При этом я видел, что сам он явно сдерживается, чтобы не пнуть труп в черной с серебром форме. Явно сделав над собой усилие, Кавендиш ограничился только тем, что забрал с тела скорострельную винтовку и пояс с боезапасом. Выпрямившись, Кавендиш обозрел внутренний двор резиденции Альба.

Я тоже осматривался по сторонам. И обойдя перекрученные в смерти тела инквизиторов, подошел к массивному угловатому внедорожнику. На борту которого блестела свежей краской эмблема отдельного отряда Заурланд: белая рука с мечом внутри щита в геральдической фигурной форме «растянутая шкура». Эмблема отдельного миротворческого отряда Инквизиции, как его называли официально. Или эмблема карательного отряда, как его (их) всегда называли на Западе. В мое время называли, сейчас может быть уже и нет. Все же печально знаменитую бригаду Вестфаллен, в составе которой ранее состоял до сей поры существующий отдельный отряд Заурланд, под давлением Ассамблеи расформировали еще в то время, когда я учился на офицерских курсах в прошлой жизни.

– Ты не думал, что когда-нибудь будешь убивать инквизиторов? – отвлекшись от тяжелых мыслей и осматривая салон внедорожника, поинтересовался я у Кавендиша.

– Конечно думал. Я имею в виду убивать вот так, походя и словно между делом.

– То есть не в рабочем порядке инквизиторов убивать ты был готов? – открыв и закрыв багажник, поинтересовался я.

– Конечно, – зло ухмыльнулся Кавендиш. – Это же инквизиторы!

Несмотря на старательно невозмутимо-бодрый вид, его серьезно потряхивало. Неудивительно: полагаю, что он и людей сегодня убивал впервые в жизни. Одно дело демоны, а совсем другое – люди. Пусть даже и инквизиторы, это серьезное испытание для сохранения душевного равновесия.

Коротко обернувшись, я посмотрел на Ливию. Целительница расположилась неподалеку в тени широкой террасы, под едва заметным маревом готовой к активации пелериной маскировки. С полузакрытыми глазами Ливия сканировала местность. Почувствовав мой взгляд, она открыла глаза и покачала головой. Ничего. Тихо.

И это хорошо.

Вернувшись вниманием к внедорожнику инквизиторов, я выбросил одно тело с заднего сиденья, после потащил второй труп из-под колес в сторону живой изгороди. Очищая двор, чтобы тела не валялись прямо в центре, привлекая внимание. Кавендиш уже тащил рядом сразу двоих, взяв их за ноги, а трофейную винтовку повесил за ремень на шею. Подходя к живой изгороди и осмотрев ранее невидимую часть внутреннего двора, мы заметили сразу несколько автомобилей под навесом.

– Ух ты сколько колесниц... кучеряво живут в Доме Альба, – намекнув и на мою возможную принадлежность к фамилии, за плоской шуткой Кавендиш явно попытался скрыть напряжение. Его ведь сейчас, если он попробует расслабиться, буквально колотить начнет.

С оценкой насчет того, что «живут кучеряво», я был полностью согласен: под тенью навеса из вьющегося плюща живой изгороди располагалось сразу три мобиля. Причем мобиля принадлежащих именно Великому Дому, а не арендованных у Гильдии механиков. А это роскошь, самая настоящая. Пусть это скорее всего остатки бывшего благополучия... Или нет? Проверяя догадку, я подошел к ближайшему мобилю с хромированными бамперами и массивной радиаторной решеткой, пристально его осмотрел. Новая машина, причем модель 2022 года. Еще и в индивидуальном дизайне: мобиль не просто белый, а с серебряными, видными только под прямым светом или под определенным углом очертаниями львов Альба на бортах.

Разглядывая люксовый мобиль, стоящий в законсервированной и непосещаемой резиденции фамилии, я подумал, что это может быть как раз следствие тех вынужденных решений, на которые недавно (вчера? позавчера? уже счет времени потерял) жаловалась мне Алисия. Решений из разряда «чем хуже, тем лучше». Закупать в пустующие резиденции люксовые мобиля, на каждый из которых годовая лицензия стоит больше, чем потратил Кавендиш на девиц в Борделе Клавдия, причем закупать сразу по несколько автомобилей – почему бы и нет?

– На чем поедет? – поинтересовался Кавендиш.

Без лишних слов я показал на инквизиторский внедорожник. Если бы мои подозрения не подтвердились – если бы здесь не было инквизиторов, тогда да, поехали бы на машине Альба. Но это усложнило бы предстоящую акцию и вообще нанесло бы урон репутации Великого Дома. Поэтому хорошо, что черномундирные ребята сюда приехали – глянул я на трупы инквизиторов.

– И куда мы?

– В портальную станцию.

– В Северный круг же не ведут порталы?

– Нужно просто знать волшебное слово.

– Какое?

– Проехали, покажу, – уселся я за руль инквизиторского внедорожника.

– Это же слово. Его не показывать надо, а говорить.

– Его нужно с сопутствующей аргументацией произносить, в определенном антураже. Позади хлопнула дверь – Ливия уже оказалась в машине.

– Ну поехали, покажешь свое слово, – хмыкнул Кавендиш, забираясь на пассажирское сиденье и устроив винтовку инквизиторов себе между ног.

Расстояние нам необходимо было преодолеть немаленькое: все немногочисленные порталные станции, причем малой пропускной способности, в Новгородской республике выстроены далеко за пределами крупных городов. На обособленных территориях с оборудованными контрольно-пропускными пунктами и кольцом охраны как из тамплиеров, так и из новгородской Пограничной стражи.

Довольно обоснованное решение республиканского правительства. Исключающее возможность появления в любой момент в пределах Республики десанта из имперских легионеров – новгородцы к своей внутренней безопасности относятся более чем пристально. Гораздо более пристально относятся, чем Десмонд – не преминул я вспомнить порталную станцию Лонгфьорда, которая находится внутри административных границ Врангарда в малонаселенной местности, но через которую можно до тысячи человек в сутки проводить. Вопрос зачем такая пропускная способность в населенном пункте вдали от основных торговых путей можно считать риторическим.

В общем, порталные станции Новгорода стоят обособленно, находятся под серьезной охраной и проникнуть туда незаметно довольно затруднительно. Если ты не в инквизиторской машине отдельного отряда Заурланд, свободной от досмотров.

Ближайшая к нам станция столичной области находилась в расположенном в тридцати милях от Новгорода небольшом городке Северореченск. Сорок минут езды по пустынным дорогам, и мы оказались на месте. Как я и предполагал, на мобиле инквизиторов, имеющим иммунитет к досмотру, мы без проблем миновали пропускные пункты контроля как новгородцев, так и тамплиеров.

Оказавшись на пустынной, в силу раннего утра выходного дня, улочке, проехали вдоль пары кварталов однотипных малоэтажных строений. Здесь размещались сотрудники разных служб ордена хранителей, а также подразделения торгового представительства Ганзы – поближе к порталам, к быстрой связи с остальным миром.

Миновав деловой район, вдоль густой зеленой аллеи мы подъехали к зданию собственно порталной станции – на шпиле которой привычно в синергетическом коконе ярко блистал желтым кристалл камня силы. Небольшой, много меньше чем в Хвойной Заставе – там все же порталная станция рядом с Разломом, ее пропускная способность заметно выше.

Аккуратно и не превышая скорость обогнув ограниченную столбиками стоянку с несколькими машинами, я резко ускорился и на территорию порталной станции заехал вместе с закрытыми воротами. В выходной день официально станция начинает работу с восьми утра, сейчас только дежурные порталы открыты – так что двор оказался абсолютно пуст. Лишь несколько дежурных бойцов охраны в будке удивились нашему появлению. Но они даже не успели схватиться за оружие – настолько удивительно было зрелище машины инквизиции, игнорирующей въездные ворота.

В само здание порталной станции я тоже въехал, причем вместе с высокими дверьми. Сделал это специально – мобиль как раз в ширину дверного проема, и со скрежетом его перегородил. Влетели хорошо – как пробка в бутылку, я даже заметил, как стойки кузова перекосило деформацией.

– Выходим! – крикнул я, выбивая ногами потрескавшееся густой сеткой лобовое стекло. Кавендишу, впрочем, напоминать не было нужды – руль ему не мешал как мне, и на капоте он оказался даже быстрее.

– Никому не двигаться, всем оставаться на своих местах! – уже кричал он, размахивая затрофеенной у инквизиторов скорострельной винтовкой. – Всем лечь, лицом вниз, руки за

голову! – снова крикнул Кавендиш, дав короткую очередь поверх голов приснувших по сторонам служителей. Они, услышав свист пуль совсем рядом, упали как подкошенные, закрывая головы руками.

Неподалеку из пункта управления порталами выбежал один из хранителей. Высокопоставленный – судя по золотой мантии, не просто дежурный сотрудник. Что он здесь делает так рано не совсем ясно, но это определенно удача – я уж думал, что самому придется все настраивать. Видимо, Фортуна сегодня не спит уже, нам помогает.

И это прекрасно.

Вместо благожелательного «здравствуйте», настраивая на нужный лад беседы, я с ходу приветствовал появившегося хранителя хлесткой зуботычиной. И поморщился – эти их маски, с многочисленными золотыми цепочками поверх ткани, раздражают.

– Бегом, бежать отсюда! Все прочь! – между тем закричал Кавендиш, выгоняя немногочисленных сотрудников порталной станции. Ударом ноги при этом заставив кого-то из младших служителей ускориться в сторону уже открытого эвакуационного выхода.

Сам я в этот момент, еще раз добавив для остроты так удачно попавшемуся важному хранителю настраивающий на рабочий тычок под ребра, повел его за собой в дальний конец порталной станции. К обязательно-активному дежурному portalу. Где – как я знал, по особому протоколу отсутствовала заякоренная вторая стационарная арка на другой стороне порталного канала. Я шел к дежурному portalу, откуда при нужде можно было отправиться по маякам в любую точку Империи. Даже в Северный круг. Который – на что совсем недавно неоднократно пытался намекнуть Кавендиш, был в числе трех изолированных и автономных протекторатов Империи – вместе с Альтаиром в Атлантиде и Камаргаром на юге Септиколии.

Официально добраться до Северного Круга, в его земли на полуострове Гейл, можно было лишь через узкий перешеек из Рима, либо же – в остальные земли островов архипелага, кораблем по Северному морю.

Ни в Северный Круг, ни в Альтаир, ни в Камаргар не вели порталные пути. Официально не вели, но порталные дороги туда тем не менее были – по заякоренным маякам. Тайные дороги: в случае опасности для центральной власти или восстания против Доминиона Империи, Орден Хранителей всегда был готов открыть проход для отдельных, пусть и небольших – не более сотни человек за сутки, отрядов преторианцев, легионеров или карательных частей Конгрегации. И об этом не мог не знать высокопоставленный хранитель, который с заломанной за спину рукой с воем семенил сейчас рядом со мной.

Это знание являлось совершенно секретной информацией, доступной мне только потому, что в прошлой жизни я пребывал в роли советника императора. И кроме возможностей перемещения туда, куда официально перемещаться невозможно, секретной в этой информации было то, что для обеспечения энергии подобного перемещения использовался не желтый, а красный лириум – так что помехи Сияния на стабильность таких альтернативных каналов совершенно не влияли.

В доступе путей по особому протоколу теоретически была любая точка на Юпитере и Европе. Нужен только специально подготовленный и настроенный, подпитываемый лириумом маяк – и все, туда всегда можно открыть порталный проход. В этом же, кстати, и заключался мой изначальный план попадания в Новгород – в Семиградье я банально намеревался захватить кавалерийским наскоком порталную станцию и отправиться куда требуется.

Ускоряя шаг, я чуть сильнее потянул за собой хранителя, так что он буквально взвыл от боли. Но выл недолго – мы уже были на месте, у дежурного портала. Рядом со мной стоял держащий наготове винтовку Кавендиш, поодаль замерла настороженная Ливия с полуприкрытыми глазами. Хранитель, которого я выпустил из жесткого захвата, собирался было что-то сказать, но я оборвал его резким ударом в печень. После сорвал маску и, надавив на болевую точку за ухом, заставил его выпрямиться.

Ох ты боги, какие люди! – едва удержал я возглас удивления. Попавшимся нам на пути хранителем оказался уже знакомый мне служитель ордена из Хвойной заставы. Тот самый, которого жестко наставлял по необходимому порядку действий варгрийский полковник во время прорыва демонов. Похоже, из Хвойной заставы этого хранителя перевели сюда, в Северореченск – на тихое место, наверное. А здесь и сейчас жестокая судьба вновь подарила ему неприятностей в моем лице.

Интересно, кого из богов этот хранитель так прогневил?

Не теряя темпа действий и не размениваясь на сожаления этому неудачнику, срывая его болезненный крик, я хлестко зарядил ему пощечину, сложив ладонь жесткой лодочкой. Бил не очень сильно, но у подавившегося криком хранителя от удара даже зубы лязгнули. Это не сознательная жестокость – мне сейчас просто не нужно было, чтобы он лишний раз думал. Мне нужно было, чтобы он боялся, слушал и слушался. Поэтому и такая невежливость в обращении.

– Жить хочешь? – вновь не размениваясь на дежурные приветствия, поинтересовался я у хранителя.

Молчаливое мгновение и еще один удар заставил хранителя согнуться, а после, с очередным нажатием на болевую точку, с взвизгом разогнуться. Я в этот раз сознательно сделал ему уже очень больно, добавив через касание импульса силы Сияния. Так, чтобы хранитель наконец прочувствовал серьезность момента.

– Уважаемый, ты вопрос понял? Я спросил: жить хочешь?

– Хочу, – прохрипел он, опустив взгляд и все еще дрожа от испытанной только что боли. Несильным прямым ударом я разбил ему нос. Не столько больно, сколько унижительно – чтобы не думал, что может со мной как равноправный участник переговоров общаться.

– Открывай портал в Северный Круг.

– В Северный круг невозможно...

Истошный визг хранителя, которого я вновь встряхнул импульсом силы, эхом раскатился под сводами зала. Боль от такого ощущением примерно та же самая, что для индигета касание адского пламени. Только если индигет может боль хотя бы немного локализовать, контролируя свои энергетические каналы, то обычному человеку приходится терпеть ощущения того, словно по всем жилам течет разъедающая плоть кислота.

Короткий взгляд на Ливию, быстрое движение – и озаренные зеленым сиянием ладони легли на скулы хранителя. В глазах служителя ордена появилась чистая ясность мысли – целительница немного привела его в себя.

– Это был последний твой неправильный ответ. С порталом по особому протоколу я могу разобраться и без тебя. Либо я возвращаю тебе боль, за которой будет смерть, либо ты прямо сейчас...

– Северный Круг большой... – мелко-мелко закивал головой наконец сломавшийся хранитель.

Ну вот, так бы сразу.

– Восточный клык, Зеленый фьорд.

Полезно все же иметь опыт прошлой жизни, когда есть недоступные большинству обитателей этого мира знания. Зеленый фьорд – заякоренный маяком секретный пункт высадки совсем недалеко от Нордхейма, старой столицы Северного Круга. И предназначен для высадки преторианцев в случае мятежа нордлингов; я знал об этом, потому что этот план действий, «Красный-III-12», непосредственно при моем участии составлялся.

Наличие поддерживаемого маяка рядом с Нордхеймом вполне оправданно. Учитывая особенности населения региона, мятежи против доминиона Империи там еще пару сотен лет назад были обыденностью. И я был абсолютно уверен, что из особого протокола якорей тайных порталов Зеленый фьорд еще не исключили.

– Не забудь проход портала прозрачным сделать, – добавил я, глядя в глаза хранителя.

Я прекрасно знал, что такое хоть и не практикуется, но технически совсем несложно – просто много ресурсов жрет. Хранитель хотел было мне возразить, но как открыл рот, так и закрыл. Однако на несколько мгновений он все же засомневался, я видел.

– Ты думаешь, твоя жизнь стоит того? – с нескрываемым интересом поинтересовался я у него.

На самом деле, я мог самостоятельно разобраться в меню управления. Потому что сам же алгоритм активации в план «Красный-III-12» вписывал, причем буквально – ручкой на белый лист черновика. И уверен, что за сто лет там ничего не поменялось – ведь за все предыдущие века, пока хранители пользуются порталными станциями, в механике их работы не меняется ничего. Но проще и быстрее, если это все же сделает сам хранитель. Который, уже не скрывая чувств и эмоций, закусил губу.

Дрожа от смешанных чувств: испуга, ярости, отчаяния, служитель ордена повернулся к панели управления и вдавил в камень несколько пиктограмм. Я мгновенно ощутил отзвук силы, и широкая арка подернулась рябью. Краем глаза наблюдая, как хранитель работает в меню, выбирая нужные опции и подтверждая согласие, я подумал, что не зря не сунулся сам разбираться. Нет, я бы конечно вспомнил и смог, но времени заняло бы немало. Краем глаза продолжая наблюдать за хранителем, я обернулся к Ливии, показав ей общепринятый знак создания водоворота искажения пространства.

«Искажение пространства?» – переспросила Ливия так же жестом.

«Да», – подтвердил я.

Дежурный обмен – потому что создание подобного, запрещенного Кодексом конструкта, всегда требует подтверждения. А еще этот обмен жестами был примечателен тем, что по факту Ливия признала – после того как мы сняли погоны и знаки отличия Корпуса, мое право давать ей указания и приказы.

Открытый хранителем портал между тем уже заработал – в массивной каменной арке показалась широкая зеленая поляна. Подойдя ближе, я всмотрелся сквозь призрачную пелену.

– Вперед, – скомандовал я, узнав пейзаж северных скалистых фьордов.

Первым в арку портала прошел Кавендиш, вторым – хранитель. Несамостоятельно, мне пришлось придать ему ускорения. Третьим прошел я, а последней Ливия – оставив на полу совсем небольшой черно-зеленый смерч, который постепенно раскручивался все сильнее.

– Отходим! – звонко прокричала Ливия, потянув Кавендиша за собой. Сам я, подхватив хранителя за шиворот, отбежал от колышущейся маревом сияющей арки посреди широкого плато утеса.

Несколько долгих секунд ничего не происходило. После, на грани слышимости, раздался постепенно нарастающий, буквально ввинчивающийся в мозг звук. Неприятное тяжелое жужжание – как оно слышалось здесь. В порталной станции Северореченска, по мере того как рос пожирающий саму ткань реальности водоворот, сейчас звук был на порядок сильнее и неприятнее. Хотя бы гарантия того, что все уберутся подальше от здания станции.

Сияющая арка портала пошла рябью, полностью с той стороны закрытая черно-зеленым растущим водоворотом, и вдруг проход исчез. С хлестким вакуумным звуком горящая по краю красноватым отсветом пространственная арка схлопнулась, по ушам стегануло отзвуком, а в лицо дохнуло воздушным потоком. Взрыв раздался далеко-далеко отсюда, в порталной станции Северореченска, но отзвук пространственного возмущения мы хорошо почувствовали даже здесь. Так что скалистая плита под нами дрогнула ощутимо, а нас на несколько мгновений потянуло, словно мы находились поблизости от безвоздушного пространства.

Упавший на колени хранитель громко вскрикнул, обескуражено тряс головой. Он в отличие от нас не индигет, и возмущения силы ему откликаются гораздо сильнее. Ощущения у служителя ордена сейчас близки к тем, как будто на голову ему надели колокол и в него с

силой ударили; а если бы я его от арки портала не оттащил, сейчас бы вообще лежал с кровью из ушей, да и не факт, что живой.

– Эт-т-то что? – прошептал хранитель, с трудом поднимаясь на ноги.

– Это эхо взрыва, – ответил я ему, оглядываясь по сторонам.

– Что-что? – ошарашенно спросил тот, не расслышав.

– Эхо взрыва, – повторил я, не повышая голос и уже глядя хранителю в глаза.

– Взрыва... на станции? – прочитал тот мои слова больше по губам.

Слух он точно временно потерял. Ну да, вон и ручеек крови из левого уха.

– Взрыв на станции? – еще раз переспросил хранитель. Ну да, говорит очень громко – сам себя не слышит.

– Нет больше твоей станции.

Я не соврал: запрещенный Кодексом малый конструкт искажения пространства, который создала Ливия по моей просьбе, по мере роста вклинился в пространственное соединение двух точек реальности. Это привело к возмущению созданного энергетического поля порталного канала и, сорвав привязку, вызвало такой выплеск энергии, что порталная станция Северореченска только что просто перестала существовать.

С одной стороны, это как реклама – хотите связаться с Рейнаром, наблюдайте высокие грибы громких взрывов в местах своего имущества. Вполне действенный метод, всегда остужает горячие головы – я и раньше так делал. Но сейчас не столько из-за этого просил Ливию создать конструкт. Кроме уничтожения порталной станции в Северореченске отголоском взрыва здесь вывело из строя тайный якорь маяка, так что сюда в течение нескольких месяцев как минимум никто не сможет открыть еще один проход.

Больше в Северном Круге – по крайней мере здесь, на Скаргейле, маяков нет, поэтому от быстроперемечающейся следом погони мы пока избавлены. Сияние на небе удивительно яркое, так что сеть и связь работают или плохо, или очень плохо. Это тоже хорошо. Но нам все равно нужно действовать быстро – опережая новости. Иначе вся стройность моего плана полетит коту под хвост.

Определившись где север, и в каком направлении нам сейчас нужно идти, я посмотрел на хранителя. Сбитая и болтающаяся на груди маска с разорванными цепочками, крайне удивленный вид, золотая мантия до земли. По лесу в такой... не очень удобно, мягко говоря.

– Наверное, в будущем я могу пожалеть об этом решении, – задумчиво и негромко проговорил я, глядя на хранителя.

– Что-что? – снова он не расслышал, и не смог прочитать по губам вопрос. Но по моему взгляду прекрасно понял, что сейчас решается вопрос его жизни и смерти.

Из-за этого осознания служитель ордена моментально побледнел как полотно, а после даже посерел. Я видел, что он с трудом держится на ногах. Ливия, после взгляда на меня, уже поняла, что именно я собираюсь сделать. Она покачала головой, выражая несогласие, но спорить не стала. Шагнув вперед, касанием жизни она приложила к щекам хранителя объятые сиянием ладони. Тот от прикосновения целительницы дернулся, испугавшись, но замер как столб, когда моментально почувствовал улучшение состояния.

– Мне следовало бы тебя убить, – после паузы, глядя в глаза хранителю, произнес я. – Но я не буду этого делать. Тебе лично очень не повезло, что именно ты попался у меня на пути, и я, наверное, даже прошу у тебя за это прощения. Бывает, не держи зла, я не специально. В орден тебе советую не возвращаться – там тебя в любом случае ждет казнь. Не спрашивай, откуда знаю. Да, даже после допроса ментата, когда будет ясна твоя невиновность, тебя не ждет ничего хорошего. Если тебя казнят, считай, что и повезло... Продолжать не буду, думаю, ты и сам знаешь, что делает орден с теми, кому не повезло.

– Но что мне делать? – шепотом произнес хранитель.

– Варгрийское посольство. Они тебе должны за Хвойную заставу, обратись к ним.

После этих слов глаза хранителя расширились – он только сейчас меня узнал.

– Варгрийское посольство там, в Восточном Фолде, – показал я хранителю направление.

– Но... Восточный Фолд далеко, Нордхейм ближе, – не очень уверенно произнес хранитель.

– В Нордхейм сегодня тебе лучше не соваться, – покачал я головой. – И прими совет: не свети свою мантию по пути, в Северном круге хранителей очень не любят. Когда рядом нет дракона Империи или ока инквизиции, налет цивилизованности с нордлингов быстро спадает, думаю, ты об этом наслышан. Бывай, – сделал я прощальный жест. – Постарайся не попасть в руки нордлингам или дознавателям. Все, погнали.

Последнее было обращено уже к Кавендишу и Ливии.

Не оборачиваясь больше на оставшегося на поляне растерянного хранителя, мы двинулись в путь. Быстрым шагом, периодически переходя на бег, мы шли и шли вперед, вдоль изрезанной линии скал побережья фьордов. Мягкий мох пружинил под ногами, шелестели над головой ветвями сосны, порывы ветра то и дело доносили грохот прибоя.

По пути я размышлял, сколько раз за минувшие сутки перемещался во времени: сначала из Семиградья во Врангард на восток из вечера в утро, потом из Бернгланда в Семиградье на запад из утра в ночь, потом из Семиградья в Новгород вновь из вечера в ночь, а теперь вот шагнул через портал из рассвета снова в уходящую в ночь. Пусть ночь и «белая» – темнота в это время года сюда не приходит. Размышляя обо всех этих шагах через часовые пояса, я решил при случае сказать спасибо Алисии за то, что посоветовала мне поспать. Все же шесть часов отдыха явно не были лишними, и я сейчас свеж, бодр и...

– Рейнар.

– Да? – обернулся я к Кавендишу.

– Каков план?

– Перед самым рассветом мы заходим в посольство Конгрегации, забираем старшего трибуна, остальных – тех, кто оказывается в зоне видимости, нейтрализуем.

– Ты думаешь, перед рассветом в отделении Конгрегации будут сидеть и нас ждать?

– Да.

– Это же нерабочее время.

– Они будут сидеть и ждать нас. Старший трибун точно, не волнуйся.

– Ты им письмо, что ли, отправил?

– Конгрегация начала процедуру ареста имущества Великого дома, и наверняка по всем отделениям прошел циркуляр о переходе на усиленный режим службы.

– Сияние.

– Что Сияние?

– Оно яркое. Связи нет.

– Всегда есть возможность передавать короткие шифр-сигналы. Усиление объявлено, не переживай. Так что старший трибун сейчас на месте.

– У Альба есть имущество и в Северном круге?

– Даже если бы не было, это неважно. Есть порядок усиления при действиях против больших фамилий первого сословия.

– Понял, – протянул Кавендиш. – Ну а если его все же нет на месте?

– Возьмем того, кто за него. Непринципиально.

– А зачем нам старший трибун или тот, кто сейчас за него?

– Убить его с особой жестокостью, казнив по закону Северного круга.

– Зачем?

– Чтобы этим порадовать ту, о которой вслух лучше не говорить, иначе у меня ладонь начинает чесаться.

– Казнить обязательно с особой жестокостью?

- Да. Мы на севере, нордлингов и их богов иначе не проймешь.
- А за что казнить?
- За то, что он убил Блайда.
- А это он?
- Да.
- Уверен?
- Да.
- Почему?
- Потому что он инквизитор, вот почему.
- Звучит как оскорбление.
- Звучит как обвинение.
- А если...
- Кавендиш.
- Да?
- Просто делай, что я говорю, и все будет хорошо.
- Делать что?
- То, что я говорю.
- Это я понял. Мне важно знать, что конкретно мы сейчас будем делать и с кем именно.
- Еще раз. В Нордхейме есть посольство...

Ливия очень громко вздохнула, показывая, что беседа ее утомила. Я на мгновение осекся, но после продолжил:

- ...посольство инквизиции и там находится старший трибун...
- И это я понял. Почему ты так железобетонно уверен в том, что именно он убил или отдал приказ уничтожить Блайда и его отряд?
- Старший трибун Конгрегации в Нордхейме – Стефан Лавиолетт.
- И?
- И он старший брат Мари-Мадлен Лавиолетт, первой жены Вильяма Эйхмана, марк-графа Дракенсберга.
- Да? Это меняет дело...
- Если бы ты внимательно слушал, а не спал во время обсуждений планирования сорвавшейся акции с магистром Никласом, ты бы сам знал об этом. Родственные связи и должность – все говорит за то, что посол Конгрегации в Северном Круге, старший трибун Стефан Лавиолетт занимался организацией убийства Блайда и его отряда. Так что казнив его, мы не ошибемся.
- Вот так просто, – задумчиво протянул Кавендиш.
- Вот так просто. Сейчас вообще все просто очень просто...
- Ничего, что против нас выступают самые могущественнейшие организации...
- С нами наши боги, а кто против нас – уже неважно. Видишь инквизитора – убей, только и всего. Знаешь запрещенный анекдот, который ходит с разными интерпретациями во Врангарде, Бернгланде, Айлгвене и еще десятке мест?
- Я их много знаю запрещенных. Какой из них?
- Самый популярный.
- Про то, что нельзя пить виски с утра, потому что днем может случиться нужда стрелять в инквизиторов и из-за опьянения можно промахнуться?
- Виски, джин, водку, первач, шнапс, узо – напиток варьируется в зависимости от места действия. Все этого давно ждали, Кавендиш. Мы просто будем первыми.
- А что такое узо?
- Анисовая водка.
- А, это то элькидийское пойло с мерзким привкусом? Я помню как-то попробовал раз, так меня...

– Вы можете просто бежать молча? – не выдержав, вдруг вклинилась в беседу Ливия.

Надо же, снова я ее перестал замечать и ощущать. Снова, как и раньше. Просто не чувствую ее восприятием и забываю, что она рядом. Но теперь понятно почему – она моя сестра. И ее присутствие, как и нахождение рядом Алисии, я совершенно не чувствую.

– Инквизиторов больше, и они сильнее, – через некоторое время, когда мы в очередной раз перешли на шаг, снова завел Кавендиш.

– А мы молодые и с нами боги, – парировал я.

– С вами не только боги, но и я. И как старшая по званию, приказываю вам обоим заткнуться! – уже не выдержала Ливия.

Я не стал ей напоминать, что погоны мы все оставили в закрытой роще Новгорода – все же глаза у нее сейчас горели достаточно ярко, видимо, ее наша беседа все же несколько утомила.

– Да уже все, мы на месте, – увидел я яркие крыши небольших домиков предместий Нордхейма. Здесь мы остановились, и несколько минут нам понадобилось, чтобы обсудить план действий. Помолчав после этого немного, я посмотрел обоим в глаза.

– Готовы?

– Готовы, – кивнул Кавендиш. – Страсть как уже хочется убить старшего трибуна Конгрегации с особой жестокостью.

Несмотря на внешнюю браваду, он явно нервничал. Ливия же промолчала, взглядом показав мне, что хватит разговоров и пора идти.

И мы пошли.

Глава 3

К посольству-резиденции Конгрегации мы вышли, двигаясь спокойно, открыто и не скрываясь. И без особых затей просто подошли к воротам посольской миссии. Предлагая подобный вариант действий, я принимал во внимание, что инквизиторы давно не сталкивались с сопротивлением и противодействием, потеряв оперативную хватку и став исключительно карательной и фильтрационной службой Империи. Мой расчет полностью оправдался – я даже не удивился тому, что мы смогли довольно спокойно пройти на территорию посольства-резиденции.

Все же когда более чем за век спокойствия не случается получать удары в ответ, всегда появляется расслабленность. Часто – особенно в подобных изолированных местах, граничащая с расхлябанностью.

Из контролирующего персонала за воротами присутствовало только двое сотрудников частной охранной организации. Сразу же мягко опавшие на землю – оглушенные воздушным молотом Кавендиша. Так же спокойно и невозмутимо миновав внутренний двор, мы через парадные двери зашли в небольшое двухэтажное здание. Аккуратное и характерно приземистое, будто чуть приплющенное сверху. Как и все дома Северного круга – высокие здания здесь не строят, и даже потолки везде непривычно низкие. Мне всегда в таких домах потолок словно на плечи давит.

На первом этаже посольства-резиденции дежурная охрана уже была из инквизиторов. Оглушить первым ударом всех удивившихся нашему появлению господ в черных мундирах у Кавендиша не получилось, загревели выстрелы. Я даже увидел, как останавливаются и плющатся в тягучем мареве выставленного Ливией щита тяжелые пули двенадцатого калибра. Свистнуло порывом воздуха, ударило эхом магии – выскочивших в холл инквизиторов смяло закручивающимися в водоворот зелеными лоскутьями, оторвало от пола и с противным чавкающим треском разметало в кровавые клочья.

На светлый мрамор упали бесформенные фрагменты человеческой плоти, под которыми начали растекаться густые лужи крови. Ливия вошла в режим убийцы – действовала быстро и наверняка. Как и я – преодолев широкий зал, уже был в другом его конце, у лестницы. Охранники упали прямо передо мной, поэтому пришлось оббежать кровавую лужу.

Перейдя из спокойного режима в стремительное движение, мы все быстро проскочили по первому этажу, уже поднимаясь по неширокой и тесной лестнице. Узкие проходы, тесные коридоры – мне никогда такое не нравилось. К счастью, на втором этаже никто тревогу поднять еще не успел.

Кавендиш и Ливия остались у лестницы контролировать подходы и проходы длинного коридора через весь второй этаж. Я уже был в его конце и вошел в кабинет старшего трибуна. Зашел вместе с дверью с золоченой табличкой «Чрезвычайный полномочный посол старший трибун Стефан Лавиолетт».

Как и предполагал, из-за объявленного усиления старший трибун в столь ранний час находился на месте. Погрузившись, правда, не в работу, а в популярную многопользовательскую карточную игру – очень уж узнаваемая картинка на мониторе.

Оторвавшись от напряженной – судя по комбинации карт на экране, партии, чрезвычайный полномочный посол Конгрегации в Северном круге моему появлению весьма удивился. Выстрелов из холла он не слышал – в кабинете был активирован рабочий полог тишины. Был активирован, но слетел вместе с дверью. При моем появлении господин Лавиолетт попробовал возмутиться – вместо того, чтобы попытаться создать хотя бы элементарный щит или послать сигнал тревоги.

Да, очень и очень давно никто открыто не нападал на инквизиторов. И все они – низшее, среднее, высшее звено, давно превратились в неспособных к быстрой организации сопротивления. Преследовать мятежных одиночек, арестовывать покорных, выжигать ересь каленым железом и рубить головы на плахе – вот это у них прекрасно получается. А быстро собраться для оперативного и жестокого ответа – нет, не способны. Все те инквизиторы, которые умирали на моих глазах за последние часы, в большей степени прежде всего удивлялись происходящему. Обида и непонимание – вот их едва ли не основные эмоции. Привыкли за долгие годы с покорными воле Императора расправляться. Тот же герцог Альба ведь самостоятельно на плаху заходили, спасая от истребления остальную фамилию.

Стефан Лавиолетт, полностью подтверждая все мои мысли, даже когда я стягивал ему руки его же яркой наградной лентой ордена «За заслуги перед Империей III степени» (со стены сорвал) смотрел на меня с возмущенной обидой. Он просто отказывался понимать, что подобное – прямая атака на старшего трибуна Конгрегации, возможна. Лавиолетт просто не мог смириться с реальностью, происходящее казалось ему плохим сном, который вот-вот должен закончиться.

Кавендиш и Ливия, которые контролировали коридоры, по моему короткому свисту заскочили в кабинет. Причем Ливия очень выразительно, больше для меня, в этот момент посмотрела на Кавендиша. Тот при этом неожиданно смутился. Что-то только что явно произошло, судя по их реакции.

«Что?» – одними губами произнес я.

– Работаем, – коротко ответила на мой взгляд напряженная Ливия.

Ладно, похоже, ничего непоправимого не случилось, а нам все же не стоит задерживаться. Инквизиторы могут прийти в себя и собраться с мыслями. Пусть они пока неспособны принять реальность, в которой им могут отвесить хороший удар, но мальчишками для битвы от этого вовсе не становятся. Это пусть пока крайне удивленные происходящим, но по способностям весьма умелые бойцы.

Инициатива пока у нас, так что терять ее не нужно.

Путь отхода я выбрал самый оптимальный. Подхватив вместе с Ливией связанного Лавиолетта, взяв его как куль с мукой, мы просто выкинули его в окно. Чрезвычайный посол такому обращению, судя по выкрикам во время короткого полета, очень удивился. Правда, кричал недолго, и голос его оборвался вместе со звуком глухого удара тела о землю.

Зачем кричал, спрашивается? Пусть в падение связанному со второго этажа приятного мало, но процедура не смертельная. К тому же и этажи здесь невысокие, и падал Лавиолетт на аккуратный изумрудный газон. А мы ведь могли его и на брусчатку тротуара выкинуть.

Выпрыгнув из окна следом, мы с Кавендишем подхватили оглушенного падением (во всех смыслах) инквизитора. Протащив его через задний двор, выскочили на небольшую площадь. Ливия бежала рядом в готовности отразить возможные атаки. Глаза сверкают, руки объята зеленым сиянием – активировалась энергетическая подпитка принятого ей еще в лимузине лириума. Ох и плохо ей будет уже к завтрашнему дню, когда откат догонит.

Чрезвычайный посол Конгрегации между тем собрался с мыслями, справился с дыханием и попытался что-то сказать. Но я жестко и не особо миндальничая лишил его этой возможности. Из-за этого чуть замедлился, пальцы скользнули по ткани его кителя и рука сорвалась. Кавендиш пленника тоже не удержал – Лавиолетт кулем упал и, проехавшись немного по тротуару, остался лежать. Мы же, по инерции пробежав несколько шагов, остановились. Выругавшись одновременно, вернулись, подхватили выпавшего инквизитора и уже без задержек продолжили стремительный бег по тихим утренним улочкам Нордхейма.

Посольство-резиденция Конгрегации располагалась на окраине. Но Нордхейм, несмотря на значение – все же бывшая столица Северного круга, совсем небольшой городок. Сейчас, на рассветных улочках, здесь совсем тихо и пустынно, не горят вывески, все витрины закрыты

декоративными деревянными ставнями. Днем тут поактивней – как помню, здесь всегда много гуляющих пожилых людей, работают многочисленные небольшие кафе и ресторанчики, стайками бродят туристы.

Тихий и спокойный зеленый городок. Настоящая пастораль. Обманчиво благостная для тех, кто не представляет насколько нордлинги могут быть жестоки. Совершенно под стать своим богам. Жестоки по меркам Запада, конечно же – нордлинги подобной характеристике только искренне удивятся.

Пока быстро двигались к центру города, встретили несколько удивленных ранних прохожих. Люди застывали, наблюдая за нами в оцепенении. Ну, я бы тоже удивился, увидев троих быстро бегущих людей в форме Корпуса Спарты, несущих старшего трибуна инквизиции. Проскочив под крайне удивленными взглядами бегом почти пустую главную площадь перед небольшим и аккуратным – будто игрушечным, зданием городской ратуши, мы забежали на склон высокого зеленого холма. Куда, как и последние сотни, даже тысячи лет, вела незарастающая широкая и вытоптанная тропа.

Холм, на котором мы оказались, был пологим с одной стороны, а с другой обрывался практически отвесной скальной стеной высотой в три человеческих роста.

Скала закона.

Все, половина дела сделана – мы пришли.

Вместе с Кавендишем мы подтащили возмущенно похрипывающего болью инквизитора почти на край скалы. Я бросил короткий взгляд, осматривая панораму раскинувшегося вокруг небольшого городка. Прямо подо мной расстилалась вытоптанная голая земля обширной площади, находящаяся в небольшой ложбине. Склоны которой также были вытоптаны до голой земли. По краям этой природной площади кругом стояло множество шестов с укрепленными разноцветными стягами – с гербами многочисленных фамилий Севера.

Поле тинга. Никак, как и Скала закона, не изменившееся за последние тысячи лет.

Дальше, за полем тинга, в нетронутых изменениями времени Старом городе видны длинные и приземистые, по обычаю нордлингов, каменные постройки с ковром мха на покатых булыжниках стен. Большинство из которых уже нежилые, а вмещают в себя трактиры, гостиницы, рестораны.

Туристическая зона. Волей тиранов Империи отсюда давным-давно удалены все административные здания. Но, как и раньше по традиции прежних веков, здесь по-прежнему проводится тинг Вестургата, где каждой весной собираются представители всех фамилий первого и второго сословия Северного круга. Либо же здесь может собираться альтинг – внеочередное собрание всех Владык северных земель.

И поэтому вот оно, прямо передо мной – истинное сердце Северного круга. Настоящее, живое, пусть и затихшее сердце. Оно находится здесь, а не в близком здании из стекла и бетона имперской администрации на Айлгвене, где располагается Дракенсберг с правительством протектората.

На площади снизу уже слышались крики и звуки суеты – полицейские, инквизиторы, несколько легионеров уже бежали к холму. Выглядывали из окон жители, на прилегающих улочках появилось даже несколько туристов из Рима и Септикилии – по одежде не перепутаешь, местные так не выглядят.

Без лишней суеты, но и без промедления я достал из ножен на поясе кинжал и воткнул острое под кожу ладони, прямо в начертанную руну.

– Я пришел отдавать тебе долг, Высокая женщина, – негромко произнес я, чувствуя, как горячая кровь наполняет сжатый кулак.

Даже не открывая ладонь я увидел, как руку обьяли клубящиеся лоскуты темно-серой мглы. Когда на клинке кинжала оказалось достаточно крови, я разжал кулак. И, стараясь не смотреть на ладонь, броском воткнул окровавленный клинок в землю рядом. Едва кинжал

вошел в землю, как наверху рукояти засветилось серым иглистым отблеском. Из места, куда воткнулся клинок, стремительно заструились щупальца мглистой пелены – словно слой реальности оказался пробит, и мгла Нифльхейма проникала в наш мир.

Хотя, вполне вероятно, так оно и было.

Крики полицейских и спешащих к Скале закона инквизиторов (много их, больше десятка – опомнились) оказались приглушены, теперь все звуки слушались словно сквозь вату. Место Силы ожило – вокруг просторного поля по склонам холмов начал клубиться густой туман. Отсекая мглистой пеленой и Скалу закона, и поле тинга от всего остального окружающего мира.

Оказавшиеся внутри огромного мглистого кокона люди останавливались, многие изумленно смотрели на происходящее. В основном без страха – я видел только одного римлянина, который пал в ужасе ниц. Остальные же, особенно нордлинги, осматривались по сторонам с интересом.

Бегущие к нам полицейские сразу поняли в чем дело и практически все одновременно замерли у подножия холма. Их полномочия кончились – сейчас настало время тех, кто имеет право говорить с богами. Полицейские были нордлингам, и все это прекрасно понимали. В отличие от инквизиторов, которые сгруппировались, создав три ударные группы, активировали защитные щиты и под их прикрытием двинулись по склону в нашу сторону. Один из полицейских предупреждающим криком попробовал остановить инквизиторов, приблизившихся к склону холма, но те не послушались.

Очень зря: нужно быть идиотом, чтобы прервать ритуал, обращенный к богам со Скалы закона Нордхейма. Очень смелым или очень наглым идиотом. Северные боги не любят, когда кто-то им мешает столь нагло.

Стелющиеся по земле щупальца мгли стремительными змеями перехватили группы двигающихся в нашу сторону инквизиторов. До них было больше сотни метров, но хруст костей я слышал отчетливо. Как и, наверное, все кто присутствовал на площади. Широко брызнула кровь, коротко раздались сдавленные крики – бойцов Конгрегации просто перемололо в мокрую труху взбитой плоти, опадающей на землю. И почти сразу увлекаемые серой живой мглой кровавые останки исчезли в земле. Очередные души, которые будут ковылять по мосту через реку мертвых – даже поежился я. Никакого сострадания к инквизиторам в черных мундирах я не испытывал, но воспоминания о промозглом холоде и беспощадной тоске Нифльхейма у меня еще свежи.

После того как опали фонтаны крови и эхом по полю тинга пронесся отзвук треска костей и предсмертные крики наглых дураков, вокруг настала полная тишина. И вечная серость в небе и по кругу – я словно вновь оказался в Нифльхейме.

– Я пришел требовать суда богов Северного круга! – добавив Голоса, прокричал я. И мой многократно усиленный крик разнесло не только по всей площади, но и, судя по эху, по всему Нордхейму. Если даже не дальше.

Неожиданно, не знал о таком эффекте Голоса на Скале закона.

Зато теперь все, вообще все в курсе, зачем я сюда пришел, а значит пора действовать. Присев и достав из земли кинжал, я избавил от одежды инквизитора, быстрыми взмахами взрезая ткань. Лавиолетт в процессе что-то шипел – происходящее ему явно не нравилось. На лбу инквизитора набухали бисеринки пота, но надо отдать ему должное – он сумел взять себя в руки. Даже не сильно вскрикивал и возмущался, когда кинжал разрезая одежду оставлял порезы и на коже.

Освободив больше не пытающегося сопротивляться инквизитора от одежды, я перевернул его лицом вниз. Разрезав орденскую ленту, уткнул Дитриху колено в поясницу, разводя его руки в стороны. Взглядом попросил Ливию, и она создала связующий конструкт из корней – которые притянули инквизитора к земле.

Судя по тому, как вокруг рук Лавиолетта за клубились серые щупальца, встраиваясь в движение созданных Ливией пут из корней, богиня Хель все это время находилась рядом и пристально наблюдала за происходящим. Не нравится мне это, но ничего не поделаешь. Инквизитор в этот момент закричал от боли – в месте касаний серых дымных щупалец кожа его темнела и отмирала, как после сильного ожога.

– Кавендиш.

– Да.

– Когда я закончу подготовку, мне нужен будет ассистент.

– Я понял.

– Я просто напомнить.

– Я готов!

– Хорошо, спасибо.

– Пожалуйста.

Об этом – о предстоящем действии, я и говорил недавно, когда подразумевал много крови и мало чести. Мне, конечно, могла бы помочь и Ливия, но она все же целительница. Пусть и целительница «некромансер», как называют таких в Империи. Но все равно не нужен ей такой личный опыт. Кавендишу, впрочем, такой личный опыт тоже не нужен, но в этом случае пусть лучше он, чем Ливия.

Ладно, лирика все это, приступим.

– Стефан Лавиолетт, – негромко произнес я, оседлав ноги инквизитора. – Взяв сегодня на себя обязанности судьи и палача, я хочу сказать тебе вот что: на каждое действие всегда находится противодействие.

«Обязанности судьи и палача», – подхватив мои слова, утробно и тяжело многократно повторило эхо, явно разнося фразу по всему Нордхейму. Причем эхо раз за разом повторяло только эти мои слова формы ритуала. Остальной монолог прозвучал негромко, слышимый только для тех, кто рядом.

– ...ты решил, что можешь невозбранно убивать солдат Корпуса. И это было большой ошибкой. Без капли сострадания я приговариваю тебя к смерти и сам исполняю приговор.

«Приговариваю тебя к смерти и сам исполняю приговор», – вновь раскатилось эхо далеко за пределы площади.

– ...приговариваю тебя без жалости, без сострадания и без пощады.

«Без жалости, без сострадания и без пощады...»

– ...пожелаю тебе иметь лишь достоинство умереть как подобает мужчине. Ты готов принять смерть?

– Ты заплатишься за свою... – начал было Лавиолетт, но договорить не сумел.

Наверное, он хотел сказать: «заплатишься за свою наглость». А что еще можно сказать в такой ситуации? Но Лавиолетт не договорил, потому что я уже воткнул ему острие кинжала чуть ниже шеи и повел вниз по позвоночнику, глубоко взрезая кожу. Хорошо чувствуя при этом рукой отклик скрежещущего по костям клинка.

Высокопоставленный инквизитор в этот самый момент понял, что именно происходит и закричал. Громко, отчаянно, захлебываясь истошным криком. Лавиолетт пытался дергаться, но щупальца из корней держали его крепко, обездвиживая.

Слушая истошные крики, я подумал о том, что во время пыток громче всего молят о пощаде бывшие палачи. Слышал это раньше, но вот столкнулся впервые. Хотя я и кровавого орла впервые вырезаю – до этого только со стороны наблюдал.

– Я постараюсь сделать это быстро, – попытался я успокоить Лавиолетта.

Закончив длинный разрез до поясницы, оголяя белые кости позвонков, я приставил острие кинжала к основанию нижнего ребра и ударил ладонью по навершию рукояти. В удар добавил немного энергии силы – и поэтому смог отделить ребро одним ударом.

Просто идеально получилось. Причем я ни разу не тренировался, а происходящие в Северном круге казни раньше видел только со стороны и не особо присматриваясь. Но движения мои оказались точными и выверенными – не иначе сама Хель направляет. Да, так и есть – я заметил, что серые, почти прозрачные мглистые лоскутья окутывают мои кисти. Без чувствительного вмешательства, но движения у меня сейчас как у умудренного опытом военных походов и особенностей местной политикой вождя нордлингов.

– Совершенно неожиданно оказаться в такой роли, да, господин Лавиолетт? – доверительным тоном поинтересовался я у инквизитора Конгрегации, отделяя второе ребро. – Мне, если что, все это тоже в новинку. Я впервые самостоятельно предаю человека мучительной смерти через казнь... хотя, если смотреть на вопрос философски: достоин ли называться человеком тот, кто сознательно наделил себя правом карать беззащитных?

– Ты!.. Ты!.. – вновь захлебнулся криком Лавиолетт.

– Что-что?

– Ты сам-то кто? Ты сам сейчас безжалостный палач...

Очередное отделенное от позвоночника ребро прервало слова Дитриха.

– Справедливое высказывание, – согласился я с ним. – Действительно, как все не просто в этом совсем не черно-белом мире. А давай вспоминать сейчас вместе, сколько и по каким причинам каждый из нас отправил людей в Посмертие через мучительную казнь? Поиграем в имена приговоров? Сначала ты, потом я, готов?

Лавиолетт в имена играть не пожелал, громко и обреченно взыв, проклиная меня на все лады. Рядом послышался сдавленный выдох. Который, несмотря на визги чрезвычайного полномочного посла, я услышал. Скосив взгляд, увидел, что стоящий рядом Кавендиш серьезно побледнел. Да, ему сложнее – он не пережил момента гибели Блайда в гостинице, где заживо сожгли весь наш отряд. Но и не скажу, что я без подобных эмоций: мне гораздо проще было бы сейчас Лавиолетта пристрелить и скинуть вниз. Но если делать все сейчас по законам Северного круга, то Хель может счесть, что мой долг выплачен. Так что пусть лучше один мученик выкупает своей жизнью жизни других – подумал я, отделяя от позвоночника Лавиолетта очередное ребро.

После быстрый взгляд в другую сторону, на Ливию. Удивила – на происходящее целительница взирала совершенно бесстрастно. Как будто за тем, как вырезают кровавого орла не впервые наблюдает и для нее это дело обычное.

– Ливия? – с очередным ударом произнес я.

– Да.

– В посольстве-резиденции Конгрегации ты была не очень довольна Кавендишем.

– Да.

– Почему?

– Он не стал убивать младшего судью.

– Да? И почему? – отделив очередное ребро воющего Лавиолетта, глянул я в другую сторону, на Кавендиша.

– Не смог, – просто ответил Кавендиш.

– Не смог? – удивился я.

– Она была... – замялся Кавендиш.

– Юна и беззащитна, – усмехнулась Ливия.

– Юная и беззащитная младший судья? – удивился я.

– Да, – буркнул явно смущенный Кавендиш.

– Что-то мы последнее время излишне миролюбивы, – задумчиво произнес я, нанося еще один удар.

– Ты это говоришь, отделяя ребра от позвоночника живому человеку, – прокомментировал Кавендиш.

– Ну... не поспоришь, – согласился я. – Осталось совсем немного, – попробовал я хоть немного успокоить инквизитора, который уже не мог кричать и негромко выл.

Наконец последнее ребро было отделено. В два широких и уверенных взмаха я глубоко взрезал кожу на спине поперечными полосами. После, утерев пот со лба, не сдержался и звучно вздохнул. Да, мне тоже было непросто. Хотя надо признать, в сравнении с участью чрезвычайного полномочного посла Конгрегации совсем не мне сейчас жаловаться. Воткнув кинжал в землю, я поднялся с тела распростертого инквизитора и подошел к Кавендишу, который так и стоял у края скалы.

Внизу уже собралась приличная толпа народа. Несмотря на туманную мглу вокруг площади, нордлинги стекались сюда в большом количестве. Неудивительно – это Северный круг. При внешней миролюбивости люди здесь могут удивлять. Сейчас уже сотни нордлингов толпились на поле тинга, чтобы наблюдать за происходящим, а люди все шли и шли, появляясь из туманной пелены.

Много их, очень много.

Ливия также подошла ближе. Тесной троицей замерев на краю Скалы закона, мы все вместе обозревали заполненную людьми площадь. В этот самый момент Лавиолетт, нечленораздельно взыв, вдруг вскочил на ноги. Он не был владеющим, но у него или был незамеченный мною артефакт, или кто-то из богов ему помог. Но это неважно. Важно, что его путы из корней разорвались. Оторвав ладони из земли, оставляя на мглистых серых щупальцах кожу, Лавиолетт вскочил на ноги и с истошным криком бросился в пропасть. Я только расширил глаза – видя, как его обьяло золотистое сияние. Ну точно кто-то из богов помогает.

Инквизитор бежал справа от меня, в мертвой зоне от Ливии. Мы с Кавендишем перекрывали ей обзор, и возникшие из земли корни только скользнули Дитриху по босым ступням. Глубоко разодрав кожу, но не зацепившись. Я в этот момент, хотя и видел инквизитора совсем рядом с собой, никак не мог его остановить, просто не успевал; и понимая, что экзекуция (как отдача долга богине) прошла зря, открыл даже рот, чтобы со злостью выругаться. Но не успел.

Спас ситуацию Кавендиш – он вовремя, причем с неудобной руки, закрученным по удивительной траектории воздушным молотом остановил бегущего посла, сбив его с ног. Инквизитору не хватило до края утеса всего несколько шагов – рухнув на бок, он попытался подняться, но из земли уже вырвалось несколько корней, обвивая его ноги и руки.

«Фух», – только и выдохнул я в напряжении.

– Удивил ты меня, Стефан Лавиолетт, – сообщил я инквизитору. – Удивил, не скрою. Что ж, прими мое уважение. И прощай.

Сейчас мне нужно было погрузить руки в тело инквизитора, достать его легкие и насадить на раздвинутые в процессе в стороны ребра. Сделал я все это, с направляющей помощью богини Хель, как будто каждый вечер подобным занимаюсь. Широко брызнуло кровью, посол Конгрегации захлебнулся предсмертным криком, а кожа на его спине разошлась двумя широкими и зубастыми, из-за разошедшихся ребер, крыльями.

Кровавый орел – очень звучное и подходящее название для до сих пор применяемой нордлингами смертной казни.

– Помогай, – негромко обратился я к Кавендишу.

Настало его время как ассистента. Подхватив Лавиолетта, мы подняли его ноги.

– Давай, с разбега, – негромко произнес я.

Пробежав пару шагов, мы с Кавендишем скинули инквизитора вниз. И распластанные крылья ребер в этом действе должны были, по традиции нордлингов, символизировать полет кровавого орла.

Труп Лавиолетта с глухим стуком ударился о землю, кровавые крылья от удара опали. Одно легкое, оторвавшись, покатилося по земле. По площади в этот момент прокатился удивленных вздох. Удивленный, но совершенно без страха – многочисленные собравшиеся норд-

линги смотрели на происходящее внимательно, не скрывая интереса. Для них подобные зрелища не являются чем-то удивительным, Скала закона долго не простаивает. Пусть нечасто, но летящий вниз кровавый орел здесь раз в несколько лет обязательно появляется.

Все. Кончено. Казнь совершена.

– Рейнар, – услышал я, как негромко окликнул меня Кавендиш.

– А?

– Здесь слюну сплюнуть можно? – спросил он. Говорил Кавендиш, сейчас практически не открывая рта и явно с трудом сдерживаясь.

– Не вздумай, это место силы!

– Рейнар, если я сейчас не сплуну слюну, меня вывернет.

– Кавендиш, если ты проблюешься на Скале закона, это будет...

– Носом дыши. Глубокий вдох, медленный выдох... – Ливия подошла быстро, бесшумно.

Встав между нами, она мягко взяла Кавендиша за руку. – Глубокий вдох, медленный выдох... Нормально?

– Ну как сказать, – с трудом сглотнул Кавендиш.

– Глубокий вдох, вот так, молодец... медленный выдох, – продолжила успокаивающе говорить Ливия, взяв его за руку.

– Кавендиш, решаются судьбы людей и мира, а ты не можешь с собой справиться! Возьми себя в руки! – прошипел я ему громким шепотом, закрывая рот ладонью, чтобы мои слова по губам никто не прочитал.

При этом заметил, что рука моя была вся густо-красная от крови. Причем по локоть. Я вдруг сам почувствовал кислый привкус во рту и ощутил, как недавний брикет сухого пайка очень настойчиво просится наружу.

– Все-все-все, сейчас все пройдет, – по-прежнему негромко и успокаивающе говорила Ливия, поглаживая Кавендиша по руке. – Все, нормально?

– Да, я в норме, – кивнул он, еще раз тяжело сглотнув.

Я в это время тоже несколько раз глубоко вздохнул.

– Ты сам не собираешься... – обернулась ко мне Ливия.

– Нет.

– У тебя такой вид...

– Нет!

– Ладно, нет так нет, – покладисто согласилась Ливия. – Я просто спросила.

Осмотревшись вокруг (а на самом деле просто выравнивая дыхание), я повернулся к собравшимся на поле тинга многочисленным нордлингам и заговорил:

– Я, Кайден Доминик Альба де Рейнар, пришел сюда, на Скалу закона, требовать справедливости богов. Внизу лежит чрезвычайный полномочный посол Конгрегации старший трибун Стефан Лавиолетт, который совсем недавно убил моих людей здесь, в Северном круге. Убил, подкравшись к ним как болотная мышь под покровом ночи. Убил их, не дав никому из них права на поединок!

Собравшиеся глухо зароптали. По законам Северного круга убийство без права на поединок – тяжкое преступление. Причем понятно, что в Северном круге убийство – дело в общем-то житейское, они тут испокон веков друг друга режут, колют и жгут.

Но убийство в спину и исподтишка, тем более ночью – удел трэлей и грязных нидингов. Это недостойный настоящего мужа поступок, за такое здесь лишают не только жизни, но и чести. За такие убийства в Северном круге всегда наказывали. И наказывали очень жестоко.

Кровавый орел, которого я вырезал на спине инквизитора – еще не самое плохое, что случилось с теми, кому не повезло попасть в руки вершащих справедливость. Так что я еще, по местным понятиям, совершил милосердную казнь. Если, конечно, боги подтвердят мою правоту на суде, который я требую.

– Я наказал убийцу. Но я только лишь отрубил исполнившую приказ руку. Отдал приказ на вероломное убийство без права на поединок находящийся сейчас на земле Северного круга Уильям Эйхман, маркграф Дракенсберг, признанный вами владыка Айлгвена!

Все, слово сказано и у Дракенсберга теперь нет выбора. Ему или принимать мой вызов, или покидать Северный круг. Потому что иначе, не явись он сюда, слушать и воспринимать его всерьез на земле нордлингов больше никто и никогда не будет.

Дождавшись, пока ропот собравшихся усилится, дождавшись, пока все поймут, кого именно и за что я обвиняю, и что именно сейчас было сказано, я заставил материализоваться в руке меч и направил его острием в небо.

– Я, Кайден Доминик Альба де Рейнар, требую созвать альтинг всего Северного круга, где я предъявлю Уильяму Эйхману, маркграфу Дракенсберга, выбранному на неполном тинге Северного круга владыкой Айлгвена...

Воздух вокруг словно сгустился, и чтобы слышать собственные слова мне уже приходилось кричать.

– ...обвинения в убийстве без права на поединок!

В этот же момент, словно подтверждая право на вызов, с небес ударила молния. Меня ощутимо перестегнуло электрическим разрядом, вокруг скалы и всей площади зазмеились толстые разветвленные жгуты. Буйство света продолжалось долго, очень долго – целых несколько секунд. И было настолько сильным, что молния разогнала объявшающую площадь мгlistую пелену, очистив от нее склоны холмов.

Когда буйство яркого света стихло, пахнущий озоном утренний воздух буквально звенел абсолютной тишиной. А под нами у Скалы закона лежало то, что осталось от старшего трибуна Инквизиции, чрезвычайного полномочного посла Конгрегации в Северном круге Стефана Лавиолетта. Молния ударила прямо в его тело и осталось от него, надо сказать, немного. В основном прах на черном, выжженном на утоптанной дымящейся земле очертании силуэта.

И в этот же самый момент, я даже руку с поднятым мечом не успел опустить, из-за рассеявшегося мгlistого тумана площадь осветило поднимающееся солнце. Оставляя пока в тени площадь, но осветив своими лучами самую вершину скалы. И нас троих.

– Прелестно, – негромко произнесла Ливия, явно прочувствовавшая символичность момента.

Вздернув подбородок и сощурившись, глядя на поднимающееся солнце, девушка неожиданно взяла меня за руку, притянув к себе. С другой стороны от нее стоял Кавендиш, которого она так и не отпускала после успокоительного сеанса. Вот так, втроем, в тесной компании и в молчании, держась друг за друга, мы наблюдали, как наливается силой поднимающееся солнце.

– Если всё вокруг событиями, антуражем и историческими аналогиями выглядит как рассвет новой эры, то, вероятно, это и есть рассвет новой эры, – в задумчивости глядя на поднимающееся яркое солнце, негромко произнес я. – Кавендиш, ты там как, в порядке?

– Конечно. Мир в огне, руки в крови, но если я смог удержать завтрак в себе, то и себя в руках удержу подавно.

– Что-что ты смог сам сделать? – вкрадчиво спросила Ливия.

– С твоей помощью, конечно же, смог удержать себя в руках, – исправился Кавендиш. – В общем, все молодцы. Дальше что?

– Ждем.

– Чего?

– Общественной реакции.

– И как это будет выглядеть?

– Совсем скоро соберется делегация жрецов и старейшин-законоговорителей, после чего придет сюда обговаривать с нами сроки и условия созыва альтинга.

– То есть мы просто ждем?

– То есть мы просто ждем.

– Ясно. А есть у кого салфетки влажные? Меня кровью сильно заляпало... Да-да, я прекрасно помню, ты об этом предупреждал, – ответил на мой взгляд Кавендиш. – Так что, салфетки-то есть?

Вопрос я его пропустил мимо ушей. Потому что украдкой сейчас смотрел вниз, на открытую ладонь. И видел, что руна Хагаль из-под кожи не исчезла.

Высокая женщина не удовлетворилась жизнью старшего трибуна. Она хотела еще.

Неприятно, конечно, но ожидаемо. Впрочем, не все так плохо – все же на очереди есть еще Дракенсберг.

Если, конечно, он ответит на вызов.

Глава 4

– Рейнар.

– Да.

– Мы здесь уже почти четверть часа.

– И?

– Долго еще нам тут стоять?

– Думаю, да.

– Долго?

– Да, долго.

– И до какого момента?

– Я же тебе говорил уже. До того момента, как к нам сюда не придет делегация... объединенного совета старейшин, – после некоторого раздумья произнес я, не вспомнив, как это собрание называется на нордвикском наречии.

– Ты сказал, сюда придут жрецы и законоговорители.

– Да, но они же не самостоятельно придут, а придут с волеизъявлением и решением объединенного совета.

– А что такое этот объединенный совет старейшин?

– Главный орган власти всех земель Северного круга, состоящий из уважаемых и авторитетных старейшин, жрецов и законоговорителей.

– Органы власти Северного круга находятся на Айлгвене, и это имперская администрация Северного протектората.

– Объединенный совет старейшин, забыл как он называется, если что существует в Северном круге с начала эпох. Его нельзя отменить, как нельзя отменить и его решения.

– Но ведь администрация протектората... – начал было Кавендиш.

– Риксдаг он называется, – произнесла вдруг Ливия.

– Риксдаг – это его название на наречии Западного фолда. Если назвать его так в других землях Северного круга, можно встретить колючую стену непонимания. Я забыл, как он непосредственно на всеобщем нордвикском наречии называется.

– Одельстинг, может? – предположила Ливия, чуть наморщив нос в задумчивости воспоминаний.

– Да у них этих тингов, – опережая мой ответ, махнул рукой Кавендиш. – Тут испокон веков каждая пустая от скал поляна – отдельная Земля, на которой каждый третий обладатель меча объявляет себя лендлордом или королем, а когда на поляне в пределах трех сосен собирается больше десяти человек, у них сразу начинается тинг, если до этого не началась пьянка или драка...

– Или все одновременно, – негромко хмыкнула Ливия.

– ...но это все неважно. Скажи мне, почему администрация протектората не может отменить решения этого хрен-его-знает-как-называется-тинга?

– Потому что нельзя отменить Северных богов.

– Да? Интересно. Я не знал.

– Что нельзя отменить Северных богов?

– Что существует этот совет.

– Это в общем-то не скрывается, но особо и не афишируется.

В Мессене на курсах офицерской школы о непростом политическом устройстве Северного круга нам как раз должны были рассказывать в этом месяце, но не сложилось. Поэтому я и не удивлялся неосведомленностью Кавендиша – новости и положение в изолированных протекторатах вообще редко появляются в общественном пространстве остальной Империи.

- И что будет, когда они придут?
 - Объединенный совет официально должен принять наш вызов, назначить дату альтинга и Суда богов.
 - Должен?
 - Да.
 - А если они не примут твой вызов?
 - Примут.
 - Почему ты так уверен?
 - Потому что они нордлинги, и не могут пойти против воли одного из своих богов.
 - А, ну да, точно. Долго нам их ждать?
 - Не знаю.
 - Но об объединенном совете старейшин ты же знаешь.
 - Об объединенном совете знаю.
 - Ну а примерно? Сколько ждать?
 - Думаю, час, может полтора. Пока жрецы соберутся первыми, пока обсудят новую реальность, пока спросят богов и уже после вместе с законоговорителями выработают консенсус общего предложения.
 - Предложения кому?
 - Нам.
 - По поводу чего?
 - Как минимум насчет даты сбора альтинга и суда богов.
 - А еще по поводу чего?
 - Откуда ж я знаю, чего еще. Мы только что старшего трибуна Инквизиции казнили и выдвинули обвинения имперскому лорду-протектору всей провинции. Кто его знает, что они исходя из этого решат и каким планом действий будут руководствоваться.
 - А они не решат нас... того?
 - Нет.
 - Почему?
 - Потому что они жрецы Северных богов. Если жрецы проигнорируют волю одного из богов, то боги их самих тогда... того.
- Повисло короткое молчание, за время которого мы наблюдали, как на площадь продолжает стекаться народ. Лучи солнца уже высветили всю Скалу закона, а также флаги и штандарты фамилий Северного круга, но поле тинга все еще находилось в тени. И выглядело все это внушительно, конечно. Впечатляющее зрелище.
- Пф-ф-ф, – звучно и протяжно вдруг выдохнул Кавендиш. И тут же смутился своего порыва, увидев, что мы с Ливией к нему обернулись. И увидел по взглядам, что поняли: он просто перевел дыхание, но сделал это задумавшись и потеряв контроль, так что выдох его прозвучал уж очень громко.
 - Волнуешься? – внимательно посмотрел я на заметно бледного Кавендиша. Настолько бледного, что у него на лице ярко-ярко выделялись веснушки.
 - Я? Боги, конечно же нет, не волнуюсь. Мы ведь только что всего лишь вырезали кровавого орла на спине старшего трибуна Конгрегации в Северном круге. Дело-то житейское. Так, немного напряженная ситуация в моем понимании, но в целом я спокоен как удав.
 - Завидую. Я вот весь в напряжении, если честно.
 - Да? – с деланным удивлением посмотрел на меня Кавендиш.
- Рассмеялись мы с ним одновременно. Без веселья, просто нервным смехом.
- Да, беспокойное и волнительное утро получилось, – вздохнул Кавендиш.

– Лучше такое утро, чем... – произнесла вдруг Ливия, коротко дернув подбородком в сторону дымящегося темного пятна на том месте, где недавно лежало тело старшего трибуна Стефана Лавиолетта.

Глава 5

- Рейнар.
- Да.
- Долго еще ждать?
- Не знаю.
- Ты говорил час-полтора. Уже два прошло.
- Они сложный вопрос обсуждают. Час, полтора, два, три... Может, мы тут до вечера будем.
- А народ снизу не уходит.
- Конечно не уходит, это же нордлинги.
- И?
- И они ждут своих жрецов и законоговорителей.
- А зачем?
- Чтобы увидеть, как они придут.
- Это будет какое-то необычное зрелище?
- Нет.
- А зачем тогда ждать?
- Затем, что это нордлинги.
- Эм. Я не понимаю.
- Конечно не понимаешь. Ты же не нордлинг.
- А нам обязательно именно здесь стоять?
- Здесь это где?
- На Скале закона. Торчим тут у всех на виду как три тополя.
- Не знаю, не думал об этом. Наверное, не обязательно.
- Так может спустимся? Рестораны и кафе уже открылись. Вон в том, смотри, отсюда видно, в меню устрицы есть. А вот там омлет готовят и гренки, а вон там...
- Нет.
- Что нет? Не готовят?
- Нет, мы не будем спускаться.
- Почему?
- Опасно.
- Опасно что, спускаться?
- Да.
- Почему?
- Пока мы жрецы не озвучили время Суда богов мы еще не утвержденные участники альтинга, а я все еще без официального титула претендента на справедливость богов. Мы пока не под защитой старых законов Северного круга.
- Но боги же ответили на вызов! До сих пор туман клубится, – показал Кавендиш взглядом на склоны поля тинга.
- Действительно, несмотря на то, что удар молнии во время казни разогнал сгустившуюся вокруг поля тинга плотную пелену, некоторые отдельные лоскутья серой хмари еще змеились по вытоптаным склонам холмов. Словно оставшаяся здесь материя мира Нифльхейм. И эти мглистые клочья тумана, очень медленно истончающиеся, были хорошо видны даже на ярком солнце.
- Ответила только одна богиня, к которой я обращался. А объединенный совет старейшин еще не сформировал и не выразил свое мнение, не транслировал во всеуслышание свою волю, одобренную всеми Северными богами.

– Эм... Короче, так почему мы не можем спуститься и позавтракать?

– Потому что инквизиторы, если мы спустимся, могут отработать по нам издали парой конструкторов, сказав до свидания. Таким образом Инквизиция или агенты Дракенсберга не нарушат всеобщие законы Северного круга – в понимании нордлингов. И не испортят отношения со всем северным божественным пантеоном, а вызовут неудовольствие лишь той, которую нельзя называть, чтобы у меня рука не чесалась... Это называется меньшее зло, а в отчетах сил специальных операций такое записывают как «...прошу учесть, что данными решительными и преждевременными действиями была предотвращена дальнейшая эскалация конфликта».

– Долг не закрыт? – спросила Ливия, едва я закончил фразу.

– Нет.

– Плохо, – искренне вздохнула она.

– Я тоже расстроился. В общем, если кто-то попытается нас убить до того момента как мы не услышим ответ от объединенного совета старейшин, то это не будет критичным поступком таким, как если кто-то попытается сделать это уже после того, как я получу официальный статус претендента на правосудие богов.

– А сейчас что мешает инквизиторам отработать по нам конструктором?

– Мы же в границах Места силы и до сих пор в центре божественного внимания, – показал я на мглистые лоскутья на склоне ближайшего холма. – Если сейчас кто-то попытается нас атаковать, вернется это так, что будет очень больно.

– А, ну да. Что-то я не подумал.

– Идут, – произнесла вдруг Ливия.

Обернувшись, мы увидели немногочисленную делегацию.

– Это жрецы? – удивленно протянул Кавендиш, наблюдая, как к нам по склону холма приближаются нескольких молодых парней и девушек в белых фартуках поверх форменной одежды.

– Нет, похоже, просто завтрак несут. Как раз из того ресторана, который тебя так прельстил вывеской.

– Надеюсь, они додумались захватить влажных салфеток, – хмыкнул Кавендиш.

Его замечание было вполне к месту – мундиры простейшим конструктором разделения веществ Ливия нам уже очистила, а вот с кожи чужую кровь так просто не удалишь.

– Не думаю, что у них возникнет сложность сходить еще раз и принести нам влажных салфеток.

– А, ну да. Что-то я не подумал.

– Это у тебя от волнения?

– Что?

– Слова вперед мыслей следуют?

– Очень смешно.

– А это и не шутка, вполне серьезный вопрос.

– Да, слова следуют вперед мыслей. От волнения. Доволен?

– Не кипятись. Говорю же, сохраняй спокойствие.

– Я спокоен.

– Угу, по тебе прямо заметно.

– Я спокоен! – повысил голос Кавендиш, но тут же понял неуместность своего крика. – Спокоен и невозмутим. Как скала во время землетрясения и извержения вулкана, – добавил он чуть погодя, когда гонцы из ресторана дошли до нас. – Привет, ребята, это у вас что, надеюсь, курочка?

Глава 6

Щурясь от полуденного солнца, я лежал на спине, закинув руки за голову. Ливия лежала на траве совсем рядом со мной, почти вплотную, так что наши локти соприкасались. Девушка дремала, но не спала – пару раз за последние минуты она зевала, заражая зевотой и нас.

За окружающей обстановкой дежурно следил Кавендиш – была его очередь. Он сейчас сидел на самом краю Скалы закона, осматривая поле тинга и с кем-то даже внизу перемигиваясь. Скорее всего, с кем-то из девушек, которых внизу уже толпилось немало. Как и мы, все они ждали прибытие представителей объединенного совета.

Кавендиш давно уже успокоился и больше получаса даже не задавал мне вопросов о том, скоро ли придет делегация жрецов и законоговорителей.

Смирился с ожиданием.

Я лежал на спине, щурился от яркого солнца и думал. Думал очень серьезно и давно: уже на второй час ожидания, после плотного завтрака, от вынужденного безделья в голове запустились активные размышлительные процессы. Сейчас же, на исходе четвертого часа ожидания, я пришел к таким выводам, которые меня удивили своей незамутненной наглостью, простотой и... неожиданной правильностью и ожидаемой выгодой в контексте всего происходящего.

Раз за разом прогоняя в уме стройную конструкцию придуманной линии поведения, я уже делал это без критического взгляда. Просто наслаждался тем, какой я неожиданно смелый, ловкий и умелый в развязавшейся игре политического противостояния; раз за разом представляя возможные варианты действий, я находился в предвкушении того, как будет воспринят мой ход оппонентами и каким потрясением он окажется для всех причастных к развязавшейся игре.

Глубокое удовлетворенное предвкушение – вот так можно было охарактеризовать то общее чувство, которое я сейчас испытывал, лежа на мягкой земле под греющими лучами солнца.

– Рейнар, – обратилась ко мне вдруг Ливия, сбивая весь приятный настрой удовлетворенного самолюбования.

– Ре-ейнар, – еще раз позвала меня Ливия, когда я не сразу ответил. – Ты спишь?

– Нет, не сплю, – произнес я и не скрываясь протяжно и сладко зевнул. Так, что аж слезы из глаз брызнули. – Да? – медленно и лениво, не сбрасывая разморенную негу, приподнимаясь на локте повернулся я к Ливии.

Она, почувствовав мое движение, открыла глаза и посмотрела на меня. Ее удивительные зеленые глаза, поблескивающие на солнце желтым отсветом, вдруг оказались невероятно близко – и я в них буквально тонул. Это произошло даже без направленного Ливией ментального воздействия – естественный эффект, понял я чистым от воздействия сознанием. Расслабился, а у нее все же восьмой, если не девятый круг владения – Ливия даже без желания на то может активно на окружающих воздействовать.

Но брать себя в руки и собирать мысли в кучу мне не пришлось – Ливия сама заметила эффект и прикрыла глаза, разрывая возникшую ментальную привязку связи подчинения.

– Как ты думаешь, скоро они придут? – сдерживая зевок, спросила она.

Говорила Ливия, как и я, с некоторой ленцой. Ее так же, как и меня, разморило на солнце за долгое время ожидания.

– Устала ждать?

– Я умею ждать, если ты об этом.

– Тогда что?

– Ничего.

– Что значит ничего? Ты же спрашива...

– Вообще-то, я бы не отказалась посетить туалетную комнату, – с некоторым раздражением произнесла Ливия. Сразу после этого она, скрывая смущение, сорвала соломинку рядом с собой, сунула ее в рот и снова легла на спину, закинув руки за голову и глядя в пронзительно густо-синее небо.

– Я бы тоже не отказался посетить туалетную комнату, – буркнул вдруг Кавендиш, почувствовав себя не одиноким в усталости ожидания.

– Вы меня ответственным за действия объединенного совета, что ли, считаете?

– Нет, но нам надо же кому-то задавать вопросы, – хмыкнула Ливия.

Я посмотрел сначала на Кавендиша, потом на нее, потом тоже сорвал травинку, сунул в рот и снова лег рядом с Ливией, так что наши локти вновь соприкасались.

– Скоро.

– Что скоро?

– Скоро придут.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что уже и я начинаю понемногу напрягаться от затянувшегося ожидания. И если в ближайшее время жрецы и старейшины не явятся, я похоже знаю, чьими душами буду доплачивать той, у которой лучше не упоминать вслух.

– А они откуда об этом знают? О том, что ты уже напрягаешься от затянувшегося ожидания? – перехватил у Ливии знамя вопросов Кавендиш.

– Думаю, они уж не идиоты и об этом догадываются.

– Догадываются, но при этом тянут?

– Конечно.

– Почему тогда они тянут?

– Думают. Я бы на их месте тоже думал, что делать.

– А может быть, они просто ждут, пока мы спустимся вниз, и инквизиторы нас примут?

– Вряд ли.

– Почему?

– Потому что нордлинги ненавидят инквизиторов. Жрецы и законоговорители сейчас наверняка обсуждают и решают важные вопросы.

– Какие?

– Вопросы своей стратегии поведения, думаю. Как сделать так, чтобы в новой реальности с трупом старшего трибуна на поле тинга у них все получилось в выгодном им свете, но при этом от имперской администрации им за это ничего не было.

– У них прямо большой выбор решений?

– Не знаю, я же не совет старейшин.

– Но ты так уверенно утверждаешь, что они об этом думают.

– Я не категорично утверждаю, что они думают именно об этом, а предполагаю.

– Так, а что обо всем этом думать, я не понимаю? Прийти сюда к нам, назначить дату альтинга и суда богов. Это же несложно. Какие проблемы?

– Думаешь, все так просто?

– Думаю, да.

– А если подумать чуть шире?

– Чуть шире куда?

– Вот именно.

– Что вот именно?

– Ты даже не знаешь, куда.

– А ты знаешь?

– Куда они думают, нет.

– А куда ты думаешь ты знаешь?

– Конечно знаю, куда я думаю. Это ведь я думаю.
– И что ты надумал? – с прежней ленцой (которой я не совсем обманулся) поинтересовалась Ливия.

Вместо ответа девушке я приподнялся на локте и посмотрел на Кавендиша.

– Кавендиш.

– Да.

– Скажи, чисто теоретически...

– Чисто теоретически.

– Что?

– Ты сказал: «Скажи, чисто теоретически». Я сказал, «чисто теоретически».

– Это у тебя от напряжения момента юмор такой плоский?

– Нормальный юмор, не придирайся, – поморщился Кавендиш.

– Ты же еще недавно говорил, что спокоен как удав.

– Как скала, – поправила меня Ливия.

– Ах да, как скала.

– Это была моя попытка пошутить, если ты еще не понял. Шутка, шутеечка. Какие еще вопросы?

– Кавендиш, у тебя на гербе среди прочего есть три львиных головы на зеленом поле.

– Это вопрос?

– Утверждение. Так, для поддержания течения беседы.

– Если ты вдруг не помнишь мой личный герб, то да, в первой четверти на нем изображены три львиных головы на зеленом поле.

– Почему?

– Потому что Великий Дом Кавендиш среди прочих ведет родословную от Вилферта Черепопола, легендарного короля Айлгвена. Ты и это не знал или тоже спросил для поддержания беседы?

– Знал. Но я на всякий случай, уточнить.

– Уточнил, дальше что?

– Еще нет.

– Что «еще нет»?

– Еще не уточнил.

– Ты же уточнял, цитирую: «...среди прочего три львиных головы на зеленом поле».

– Я совсем не это хотел уточнить.

– А что ты хотел уточнить?

– Это было вступление. Прелюдия к уточнению. Дежурный обмен фразами, так скажем, для поддержания разговора и для отправки беседы в верное русло. Так вот. То, что у тебя на личном гербе в первой четверти три львиных головы на зеленом поле оттого, что вы ведете родословную от Вилферта Черепопола, легендарного владыки Айлгвена, это я и так знаю. А вот теперь я начинаю уточнять...

– Ты все еще играешь словами, а не уточняешь.

... и мой главный вопрос, собственно, в чем: это родство реально, или только лишь на пергаменте родословной?

– Ух ты. Как ты сразу, с козырей.

– Не сразу, а после долгого вступления. В ином случае я бы не спросил, но сейчас, понимаешь ли, мы немного в напряженной ситуации. И я активно ищу пути ее оптимального решения, в связи с чем задаю вопросы, которые в иной ситуации никогда бы не задал.

На самом деле, подобный вопрос Кавендишу от меня без словоблудия вступления выглядел бы самым настоящим оскорблением. Он и так, вместе со вступлением подобным образом выглядел, но все же с небольшой преамбулой подача вопроса выглядела не столь оскорбительно

нагло. Заданный мною вопрос совершенно не был тактичным, и являлся из разряда вопросов, которые без вреда собственному здоровью и репутации лучше не задавать. Но сейчас, как правильно недавно заметил Кавендиш, немного напряженная ситуация, поэтому я и решился уточнить интересующий меня момент.

Вопрос же мой был справедливо непраздный: пришлые терране, когда интегрировались в общество высоких фамилий Юпитера, повсеместно роднились с фамилиями Септиколии, которые возводили свои родословные к героям первых людей или даже к богам – как Альба. Но не всегда это происходило фактически – весьма часто бравшие власть и влияние фамилии терран просто рисовали себе авторитетные родословные, вписывая туда самых разных героев из нашего мира. Иногда даже мифических героев. И где правда, а где лишь красивая приписка выдуманного величия предков, в большинстве знали только лишь внутри фамилий.

– Это родство реально, – очень внимательно глядя на меня, ответил Кавендиш.

Он дал ответ и сейчас, справедливо причем, ждал от меня обоснования объяснений.

– То есть ты, по сути, кровь-от-крови первого сословия Северного круга?

– По сути если, все люди – братья. А если не братья, то сестры. Рейнар, моя фамилия породнилась с потомками Черепопола больше восьми веков назад, сразу по прибытии на Юпитер. После уничтожения форпостов Альтаира в Ледяных пиках мои предки ушли из Северного круга в южные земли, и здесь мы более не появлялись – ни физически, ни даже в попытке получить влияние. Не наша территория, не наша земля, о чем ты, наверное, в курсе. У Кавендишей нет здесь даже завалящей иссекающей ресурсом лириумной шахты, как у Агилар. Ни-че-го. Так что моя связь с Северным кругом, как и связь всей фамилии, только лишь в праве иметь герб королевства Вилферта Черепопола на своих геральдических щитах.

– И еще связь кровь-от-крови.

– И еще связь кровь-от-крови. Но это далекая связь.

– Самое главное, что у тебя есть связь крови с владыками Айлгвена. Королевства, которое первым в ходе создания Северного круга в том виде, в котором он сейчас существует, завоевали кровавые братья.

– Кровавые братья?

– Да.

– Ты имеешь в виду кровавые братья Барн Ап Трогус и Марк Ларций Магн?

– Да.

– Единый король и первый Император-дракон?

– Да.

– Рейнар.

– Что?

– Как это относится к происходящему сейчас?

– Непосредственно относится.

– Но ведь это было в самом начале веков.

– И?

– И это покрытые мхом древних веков старые легенды – махровые предания времен до открытия Разлома, еще до прихода терран. Я, если честно, даже не уверен, не мифологизированные ли это фигуры собирательного образа вашего септиколийского прошлого. Ведь историю пишут историки, если ты понимаешь, о чем я.

– Нет, это не собирательные фигуры нашего септиколийского прошлого, – невольно ответил я на шпильку Кавендиша как террана в мою сторону.

– Уверен?

– Да.

– Ты что-то знаешь такое, чего не знаю я?

– Да.

– Не потому ли, что у тебя на личном гербе в первой четверти отображен черный орел, которого все ошибочно принимают за ворона?

Вопрос Кавендиша меня удивил. Да, на моем личном гербе в первой четверти действительно был черный орел на красном фоне – которого все, даже сотрудники имперского департамента геральдики, записывали в описании герба как ворона. Рейнары никого в этом не убеждали, но на самом деле это действительно был орел в старом начертании. Это был старый герб исчезнувшего клана Ап Трогус, бывших владык Восточного клыка Скаргейла.

– Нет, не поэтому, – покачал я головой.

На самом деле, я даже не думал об этом за последнее время. И Кавендиш сейчас неожиданно просто пробудил старое знание, на которое я даже внимания не обращал.

– Так почему же ты уверен, что события далеких преданий непосредственно...

– Во время Посвящения Двумикий бог смотрел на меня их лицами.

– Что?

– Во время Посвящения в Златогорье, в храме, Двумикий бог смотрел на меня их лицами. Лицами короля и императора.

«Ничего себе!» – не сдержал эмоций Кавендиш, выразив удивление немного другими словами.

– Кавендиш, это Место силы, здесь лучше не выражаться таким образом.

– Ой ладно, Северные боги меня поймут. Те из них, кто тебя сейчас слышал, наверняка удивлены не меньше, – только и отмахнулся легкомысленно Кавендиш.

– Кавендиш.

– Да.

– Еще несколько часов назад, на поляне закрытой рощи в Новгороде, я сказал, цитирую: «В Империи относятся к своим богам как к покровителям, и считается естественным делом сходить в храм и просить у богов совета; Боги Северного круга – владыки иных миров, которые могут озлобиться, если их потревожат зря. Нордлинги живут так, чтобы не вызвать гнев своих богов, и обращаются к ним лишь в исключительных случаях».

– И ты это сейчас к чему?

– К тому, что это не шутки. Убедительно тебя прошу: помни об этом и не поминай всуе Северных богов, тем более в таком насмешливом контексте. Кровавыми слезами может отлиться, это не благожелательные боги имперского пантеона. Если что, то кровавый орел, которого мы недавно вырезали на спине Лавиолетта – это была милосердная казнь.

– Хорошо, не буду, – кивнул Кавендиш, явно смутившись.

Заметив, что Ливия приподнялась и села, я перевел на нее взгляд. Она, как и Кавендиш, сейчас – судя по нескрываемым эмоциям, была в состоянии глубокого изумления.

– Не понимаю, чего вы удивляетесь? Я же вам сказал недавно: «Это рассвет новой эры». А все новое – это хорошо забытое старое, кому как не богам этого не знать. Вы вообще читали сагу о названных братьях Вига-Барне и МакКанисе, прозванных кровавыми? Оригинал на нордвикском я имею в виду, а не «Слово о собирателях земель», адаптированное для младшей школы?

– Нет.

– А я читал, причем недавно. И могу вам сказать, что наши первые шаги в Северном круге почти в буквальном смысле повторяют события саги о кровавых братьях. Уход Девятого легиона со Скаргейла, бегущий прочь опальный сын императора, аутодафе, казнь, дуэль – все это уже было однажды, мы прямо по абзацам саги идем.

Долгое время, пока Кавендиш и Ливия приходили в себя от услышанного, царило молчание. Информация о том, что Король и Император ликами Двумикого бога смотрели на меня, повергла обоих в шок. Да, я их понимаю – непросто осознать, что живешь в будущем учебнике

истории, причем еще и идешь по своему пути рука об руку с легендарными героями былых времен.

– Рейнар, – окликнул меня после долгой паузы Кавендиш.

– Да.

– Итак, я кровь-от-крови владыка Северного круга. Давай дальше. К чему ты все это выяснял и к чему был твой вопрос?

– Да. Прости, я что-то задумался. Продолжаем: Дракенсберг – это маркграфство, образованное на острове Айлгвен.

– И?

– Маркграф Дракенсберг – лорд-протектор Северного круга. Но при этом, будучи лордом-протектором, формально он еще и один из владык севера. А именно – владыка Айлгвена. И владыкой Айлгвена его выбирали здесь, на этой самой площади, во время тинга Северного круга. Выбрали для того, чтобы соединить правовые системы Империи и Северного круга, легализовав право Дракенсберга как одного из владык приказывать остальным владыкам Северного круга.

– Именно приказывать?

– Формально нет. Это сложно, но я объясню, потому что это важно. Для нордлингов неуместно подчиняться приказам имперской администрации. Они и не подчиняются: все приказы Дракенсберга как лорд-протектора внутри Северного круга не имеют хождения вообще, они идут только в Семиградье информацией. По Северному кругу же указы Дракенсберга как лорда-протектора рассылаются не в повелительной форме, а в форме рекомендации от администрации протектората, без его личной подписи. И одновременно эта рекомендация дублируется уже личным письмом Дракенсберга как владыки Айлгвена с просьбой другим владыкам земель сделать именно так, как рекомендует имперская администрация. И да, еще каждый год здесь, на тинге Северного круга, Дракенсберга объединенный совет старейшин переутверждают арбитром северных земель.

– Это... – Кавендиш не договорил, но сделал характерный жест не до конца сжатым кулаком, как будто полирует древко копья. – Это звучит слишком сложно, – дополнил он чуть погодя.

– Если разобраться, то совсем не сложно.

– То есть в Империи получают в архив отчетности подшивают приказы лорда-протектора Дракенсберга, в местном протекторате рекомендации имперской администрации, а в канцелярии каждой Земли письма владыки Айлгвена?

– Еще есть документация маркграфства, но я тебя сейчас не буду этим грузить. В общем да, все так.

– И весь Северный круг прямо безропотно следует рекомендациям и просьбам? – недоверчиво спросил Кавендиш.

– Да. Каждый, кто желает оспорить рекомендацию имперской администрации или просьбу Дракенсберга как владыки, все равно столкнется с решением Дракенсберга как арбитра альтинга. А те, кто когда-то был совсем против, уже давным-давно сгорели в огне напалма. В общем, здесь очень много бумаги, тройное делопроизводство, зато без урона чести для всех – Империя в своем мире приказывает как Доминион, нордлинги в своем мире выполняют просьбы как свободные лендлорды, все довольны, ни для кого нет урона чести.

– Не знал, что все тут настолько сложно.

– Теперь знаешь.

– Я просто счастлив от этого факта. И какое отношение имеет к нам и нашей ситуации этот сеанс политинформации? Я, если что, так, напоминаю, что все еще не могу понять, зачем был твой вопрос, и что за перспективы ты мне сейчас пытаешься продать.

– Такое отношение имеет, что это все – именно то, что нам нужно.

- Почему?
- Потому что у меня есть вопрос, как ты относишься к тому, чтобы попробовать стать королем, вот почему.
- Что попробовать сделать?
- Стать королем.
- Кому стать королем?
- Тебе.
- Мне стать королем?
- Тебе стать королем.
- Мне стать королем...
- Да! Тебе. Как ты к этому относишься?
- Резко отрицательно.
- Почему? – удивился я.
- Я еще молодой и не успел погулять. Если я стану королем, мои шансы прожить еще лет сто восемьдесят и умереть в борделе, с сиськой в одной руке и с бутылкой вина в другой, резко падают. Кроме того, если я стану королем, когда мне вообще держаться за бутылку и за сиськи? Ты хоть думал головой, когда решил меня об этом спросить? Нет, дурацкая идея. Нет, нет, и еще раз нет, я вообще никак к этому не отношусь.
- Ты даже не спросил «стать королем кого и чего».
- Королем Айлгвена, а чего еще?
- Нет.
- Нет так нет, это неважно. Не спросил, потому что мне это неинтересно. Совершенно неинтересно. Абсолютно, – еще раз, как будто мы и так до этого не поняли, проговорил Кавендиш.
- Хорошо, спрошу по-другому. Как ты относишься к тому, чтобы стать Единым королем Севера?
- Что, прости?
- Единый король Севера. Владыка Скаргейла, Мидгейла, Айлгвена и Северного Батарна. Владыка всего Северного круга. До того, как Империя установила здесь протекторат, Северный круг был конфедерацией с Единым королем во главе.
- В чем разница, если я стану королем кого-то и чего-то, и, если я стану королем Северного круга...
- Единым королем Северного круга.
- Хорошо, Единым королем Северного круга, не вижу разницы. Быть королем – это тяжелый труд и большая ответственность, я к этому не готов. Вообще не готов, ты понимаешь? Зачем иначе я в Корпус пошел, как ты думаешь?
- Единый король Северного круга – должность выборная, избирается на всенародном собрании. До момента упразднения, в последние сотни лет – это должность была больше почетная, чем руководящая. Тебе будет нужно лишь выступать арбитром в спорах всех земель Северного круга на ежегодном тинге. Все остальное время можешь держаться за...
- Это же заниматься тем, чем сейчас Дракенсберг занимается!
- Нет. Его деятельность – это слепленная из костылей и палок конструкция унитарного политического устройства – по сути, весь Северный протекторат, весь Северный круг, живет по единому имперскому закону для изолированной территории. Возврат же к конфедеративному устройству, избрание Единого короля, подразумевает широкую автономию и самостоятельность всех владык.
- Ты так говоришь, как будто мне стать Единым королем – очень просто.
- Ну, на самом деле это сложно, но это и не цель. Мне очень важно лишь твое желание и согласие на выдвижение кандидатуры.

- Почему?
- Когда я убью Дракенсберга или того раторборца, которого он против меня выставит, то место владыки Айлгвена станет вакантным.
- Забавно.
- Что забавного?
- Ты так уверен в том, что убьешь Дракенсберга или его раторборца.
- Отнюдь нет.
- Почему же тогда говоришь об этом так, что это дело решенное?
- Потому что у меня, и у всех нас, сейчас есть два варианта. Второй вариант, если я проиграю поединок, подразумевает, что мы все умрем. В этом варианте простора для планирования совсем немного, согласись. Значит, нужно думать только о том, на что я могу повлиять. Логично?
- Допустим. Но...
- Но?
- Но я не вижу логики в другом.
- В чем?
- Допустим, ты убиваешь Дракенсберга, который является не только имперским лордом-протектором Северной провинции, но и владыкой Айлгвена, арбитром тинга и так далее со всей этой мешаниной их тройной бухгалтерии подчинения. Как я при этом могу стать Единым королем?
- Я убиваю Дракенсберга и место владыки Айлгвена становится вакантным. И сразу после этого мы заявляем жрецам, что по праву крови ты претендуешь на роль Единого короля. Место Владыки Айлгвена нам не нужно.
- Почему?
- Потому что мы с тобой ни разу не были в Айлгвене, для начала. Да и нам этот регион как собаке пятая нога – он труднодоступен, в стороне от торговых путей, и имперская администрация перенесена именно туда, потому что испокон веков владыки Айлгвена на альтинге обладали меньшим авторитетом по сравнению с остальными. Так что после убийства Дракенсберга и после выдвижения нами твоей кандидатуры на роль Единого короля место владыки Айлгвена останется вакантным. Нам оно не нужно. А это значит что?
- Это значит что?
- Это значит, что место владыки Айлгвена будет предметом торга элит Северного круга между собой. Призом, который мы им отдаем. Это называется: «как нашел». Шли, шли, а тут вдруг Айлгвен бесхозный вдруг образовался, который можно поделить совершенно законно.
- То есть сразу после того, как ты победишь Дракенсберга и бросишь им Айлгвен как кость, все вдруг в Северном круге прямо загорятся видеть меня в роли Единого короля? – усмехнулся Кавендиш.
- Нет, конечно. Даже более того – им, скорее всего, твоя кандидатура совсем не понравится.
- То есть я не буду Единым королем Северного круга?
- Не знаю, да это и неважно. Нам важно только получить для тебя статус претендента и созвать всенародное собрание.
- Так ты же уже созываешь альтинг?
- Альтинг – это собрание высоких родов первого и второго сословия. А собрание, которое выбирает Единого короля общенародное, и я забыл, как оно на нордвикском всеобщем языке называется.
- Стортинг, – подсказала Ливия.
- Стортинг – это его название на наречии Стейнвика. Если назвать его так в других землях Северного круга, можно встретить колючую стену непонимания.

– Ладно, это все херня, – махнул рукой утомленный массивом информации Кавендиш. – Скажи мне вот что: Империя против всего этого не будет?

– Единый король – вассал Императора, по старому уложению.

– Вряд ли это будет важно в контексте претензий к нам.

– Ты прав. Да, Империя будет конечно против, но нам это будет уже неважно.

– Как так?

– Вот так. Вообще неважно. Важно то, что местные лендлорды Айлгвен уже поделят. Ледяной легион отсюда ушел, власти и влияния у Императора здесь и сейчас нет, помешать им это сделать никто не сможет. А когда нужно спасти в рабство женщин, детей, а также забрать все ценности из горящей деревни, в которой неожиданно быстро умерли все мужчины, нордлинги действуют молниеносно быстро, у них это в крови. Так что следующий потенциальный лорд-протектор от Империи вынужден будет заявить свое желание стать не владыкой Айлгвена, а...

– Заявить свое желание стать Единым королем? – догадался Кавендиш.

– Именно! Но, еще раз, нам это уже неважно – потому что нас здесь уже не будет.

– Так в чем тогда смысл всего этого движения?

– Смысл в том, что, претендуя на роль Единого короля, из малой группы комбатантов и сепаратистов мы превращаемся в крупные политические фигуры. Неважно, что Северный круг тебя знать не знает и связь с местной почвой и кровью у тебя только через доставшийся тысячу лет назад герб. Вопрос в том, что сразу после того как я убью Дракенсберга, мы просто вернемся в Новгород. Я уже говорил, что во время войны с демонами атаковать власть императора – преступление. И мы не будем этого делать ни в коем случае... сейчас. Возьмем паузу.

– Но Инквизицию же мы атаковали.

– Инквизиция – это люди конченные. К войне с демонами разлома они не имеют никакого отношения, на границах их нет и не будет. Наоборот – как ты можешь видеть по их недавним действиям, они будут пытаться отжать как можно больше власти и влияния у Великих Домов и вообще у всех первых людей. Всегда так было, и так всегда будет.

– Но мы отправимся в Новгород и...

– И будем ждать. Или воевать с демонами на границах Разлома со стороны Республики или Варгрии. Или в Фегерваре, не суть. А вот уже после того как демоны уйдут откуда пришли, после окончания войны за мир, мы – используя твой статус претендента на Единого короля, сможем вести переговоры с Императором совсем в ином политическом поле чем сейчас. Перепрыгнув сразу на несколько уровней выше и имея гораздо более широкие возможности для торга.

– Вести переговоры? – со странным выражением посмотрел на меня Кавендиш.

– Да, а что? – совсем не понял я его интонацию.

– Переговоры с Императором?

– Да, а что?

– А ты сам?

– Я сам что?

– Ты на трон не претендуешь?

Вопрос вдруг поставил меня в тупик.

– Я даже не думал об этом, – совершенно не покривив душой, ответил я.

– Как?

– Вот так. Для меня сейчас кажется главным окончание войны с демонами и восстановление Врангарда.

– На твоём месте я бы подумал об этом, – хмыкнул Кавендиш.

– Хорошо, – вполне серьезно ответил я. – Подумаю. Так что насчет Единого короля?

– Категорически советую тебе соглашаться, – неожиданно проговорила Ливия, обращаясь к Кавендишу. – Это отличный ход.

– Сложно это все, – покачал головой Кавендиш.

– Конечно сложно, это ведь политика.

– Я понимаю. Воевать гораздо проще.

– Так война – это и есть продолжение политики.

Кавендиш посмотрел сначала на меня, потом на Ливию.

– То есть вы уже оба хотите видеть меня претендентом на роль Единого короля.

– Да.

– И важно, неважно что тут будет происходить, если я стану претендентом, а мы с вами поднимемся на много-много уровней вверх, как собирались, я уже не смогу отказаться от заявленного желания стать Единым королем Северного круга? Так?

– Н-ну... да, так.

– А значит, в случае если мы выживем, сиречь – победим, у меня, в далеком будущем, есть стопроцентный шанс стать Единым королем.

– Да.

– Становиться которым я не хочу. Так?

– Да, так.

– То есть мы выживаем, а это можно сделать только в условии нашей победы, а если мы побеждаем, то я без вариантов становлюсь Единым королем. И я не смогу отказаться от заявленного желания. Так?

– Все верно, – согласился я с выводами Кавендиша.

– У меня в связи с этим только один вопрос.

– Какой?

– Почему я?

– Эм... а что такое? Почему бы и нет?

– Рейнар.

– Да.

– Я серьезно спрашиваю.

– Я просто не понимаю вопроса.

– Еще раз: почему именно я?! Почему не ты сам? – крайне расстроился моим непониманием Кавендиш.

– Я же варгриец.

– И? – в недоумении развел даже руками Кавендиш.

– Что «и»? Они – нордлинги, я – варгриец, – пришел мой черед разводиться руками в недоумении.

– У нордлингов к варгрийцам что-то личное?

– Да. Причем в обе стороны.

– Что?

– Они – нордлинги. Мы – варгрийцы. Это же очевидно.

– У тебя на личном гербе орел Ап Трогус, которые когда-то были владыками Восточного клыка Скаргейла.

– Клана Ап Трогус давным-давно нет. И я – варгриец, а не нордлинг, и не могу претендовать на роль владыки Северного круга, а тем более Единого короля.

– Не понимаю.

– Конечно не понимаешь. Ты же терран, а не нордлинг и не варгриец.

– Рейнар.

– Да.

– Варгрия – это Север. И тут Север, – похлопал по земле Кавендиш. – Только не прямо «Север», как вы называете, а Северный круг. Но Сияние в Варгрии зеленого цвета, и здесь, – показал Кавендиш на небо, – зеленое. Морриган одинаково почитают как в Северном круге – в Айлгвене она вообще верховная богиня, так и в Варгрии. В чем разница?

– Я – варгриец. Они – нордлинги. Этим все сказано.

– Так попробуй объяснить!

– Терранам не понять.

– Ну ты все же попробуй.

– Ну вот ты сам попробуй объяснить, почему у ваших терран-христиан враждебные отношения между католиками и протестантами? Там Единый бог, и там Единый бог. Там Святая книга, и там Святая книга. Там Дева Мария, и там Дева Мария.

– Разные концепции и толкования.

– Вот и варгрийцы с нордлингами также. Разные концепции и толкования.

– Хорошо, ладно, это пока пропустим. Но что мне делать, когда я стану Единым королем?

– Ты так уверен в этом, – хмыкнул я.

– У меня, как и у всех нас, сейчас есть два варианта. Если мы проиграем начатую партию, мы все умрем. В этом варианте простора для планирования у меня немного, согласись. Значит, нужно думать только о том, о чем я могу повлиять. Логично?

– Действительно, логично. Ты прямо как будто слова умного человека какого-то повторяешь.

– Не уходи от темы.

– Если ты станешь Единым королем Северного круга, это будет очень нескоро.

– У меня широкий горизонт планирования.

– Воу.

– Не ожидал такого глубокого взгляда?

– От того, кто заказывает себе двадцать четыре девицы на ночь, я не ожидал такой глубины взгляда, ты прав.

– Рейнар.

– Да?

Я ждал, что Кавендиш вновь спросит о том, что ему делать в роли Единого короля. Но он удивил, полностью сменив тему.

– Рейнар, мы сегодня утром убили старшего трибуна Конгрегации, и, по сути, объявили войну всей нахрен Империи.

– И?

– Тебе самому не страшно?

– Мне, если говорить мягко, волнительно.

– А если говорить не мягко?

– Если не мягко, то страшно до усрачки, – совсем не соврал я. – Но это страх не потому, что я боюсь за себя, за свою жизнь... мне страшно за планы и людей, которые могут пострадать если у меня и у нас ничего не получится.

– Сильно переживаешь?

– Да.

– По тебе совсем не скажешь.

– Ливия, а ты? – повернулся к целительнице Кавендиш.

– Что? – отвлеклась от мыслей девушка, которая судя по задумчивому взгляду, нас уже почти не слушала.

– Что ты думаешь по этому поводу?

– По какому поводу?

– Мы сегодня утром убили старшего трибуна Конгрегации, и, по сути, объявили войну всей Империи. Ты не переживаешь по этому поводу? – повторил недавно сказанное Кавендиш.

– А, это, – пожала плечами целительница. – Убили и убили, бывает.

– Мне бы твое спокойствие.

– Я бы не пожелала тебе моего спокойствия.

– Почему? – с удивлением спросил Кавендиш.

Мне тоже был весьма интересен ответ, хотя я постарался этого не показать. Но ответа мы не получили – Ливия, которая уже сидела на траве скрестив ноги, поднялась одним слитным движением.

– Идут, – произнесла она, глядя на поле тинга.

Обернувшись, я увидел, как раздвигая собравшуюся толпу по полю, двигается делегация жрецов и законоговорителей.

– Кавендиш, так все же, вернемся к главному вопросу. Как ты относишься к тому, чтобы стать Единым королем Северного круга?

– Будешь должен. Очень много должен.

– В каком смысле? – не понял я.

– В прямом смысле. Мне это единое королевство ни разу не упало, так что считай только ради тебя поступаю будущей свободой.

– М-м... Хорошо, согласен. Пошли, значит.

– Пошли. А куда, со скалы прямо к ним прыгать?

– Нет, сейчас поближе подойдут, вместе спустимся. Тут специальная тропинка есть.

– И что мне нужно сделать?

– Пока ничего.

– В смысле ничего?

– Только после того как я в поединке убью Дракенсберга или его ратоборца, мы объявим, что ты прибыл в Северный круг, чтобы претендовать на должность Единого короля, и созываем всеобщий альтинг Северного круга.

– Это же плеоназм.

– Что?

– Всеобщий альтинг. Альтинг – это и есть всеобщее собрание. Масло масляное.

– Ну ты же понял, что я имею в виду собрание, название которого я забыл, как оно на нордвикском...

– Мальчики! – неожиданно обратилась к нам Ливия, плохо скрывая раздражение. – Давайте сначала разберемся, как это модно говорить в Риме, с кейсом Дракенсберга, а вот это вот все будем обсуждать потом. Давайте уже скорее заканчивать со всем этим действием, я реально хочу посетить туалетную комнату!

– Мальчики? – возмутился Кавендиш. – Да я был мальчиком в те далекие времена, когда...

– Пошли уже, твое будущее величество, – хмыкнул я, двигаясь в сторону скрытой тропы среди каменных валунов, по которой отсюда можно было спуститься прямо на поле тинга, где нас уже ждали жрецы и законоговорители Северного круга.

Глава 7

Прибывшая делегация оказалась весьма многочисленна. Но когда по едва заметной, но довольно удобной тропе мы спустились со Скалы закона, в группе старейшин я не увидел ни одного законоговорителя – вокруг скальной стены, встречая нас, в первых рядах собрались лишь жрецы. Они обступили нас полукругом – все в длинных одинаково белых просторных одеждах, все с откинутыми назад капюшонами. Мужские, женские лица, взгляды без следа серого лириумного отблеска.

Жрецы здесь всегда были обычными людьми – индигеты Северного круга этот путь никогда не выбирали. Северные боги неумолимо жестоки и любая ошибка в общении с ними может стоить жизни – поэтому местные индигеты и держатся от своих богов подальше. Не из страха: владение силой Сияния по умолчанию наделяет голос авторитетом, на который могут отреагировать Северные боги. А привлекать лишний раз их внимание, как известно, опасно для жизни.

Оглядывая обступивших нас жрецов, ни одного законоговорителя я не увидел не только в первом ряду, но и дальше, во втором и дальше. Странное происходит в объединенном собрании – получается, власть сейчас распределена неравномерно, и преобладает у жрецов, а не у политиков. Интересно, интересно. Однажды, очень и очень давно, такое здесь уже было – как раз об этом я и читал в саге о кровавых братьях. И закончилось такое неравномерное распределение власти не очень хорошо. Кроваво закончилось.

Прибывшие жрецы смотрели на нас и молчали. Нордлинги вообще живут в целом нетопливо – если вопрос, конечно, не касается раздела имущества, особенно чужого.

Молчали и мы. Я внимательно осматривал членов делегации. И поверх белой ткани одежд видел самые разные крупные золотые и серебряные медальоны – молот Тора, топор Тюра, фаллос Фрейра, веретено Фригг, стрелы Улля... Не увидел амулетов Хель или Локи. Впрочем, неудивительно: в Северном круге этих богов почитают, но им не служат. Просто потому, что слугители Локи и Хель, даже не индигеты, а обычные люди, долго не живут.

Возглавлял окружившую нас делегацию высокий и сухой жрец. Он опирался на массивный посох, а на груди его висел амулет в виде копья Одина. Жрец был слеп – глаза подернуты мутной белесой пленкой, но при этом он видел. Видел не зрением, как-то иначе: невидящий взор его был направлен сейчас прямо на меня.

– Боги наших земель услышали тебя, Кайден де Рейнар. Твое право на справедливость признано, и я объявляю тебе защиту Севера. Альтинг соберется здесь через одиннадцать дней на рассвете, и здесь же состоится Суд богов, после которого останется только правда.

«Защиту Севера». Даже здесь у нас разногласия: для нордлингов Север – это их Северный круг; для нас, для варгрийцев, Север – это только наша земля.

Кавендиш между тем, сразу после слов верховного жреца, выдохнул чуть громче чем следовало. Словно показывая свое раздражение; как будто звучным выдохом сквозь зубы намекая, что для подобного решения не обязательно было тянуть больше четырех часов. Не обратив внимания на реакцию Кавендиша и не дожидаясь моего ответа, верховный жрец развернулся и, опираясь на посох, двинулся прочь, подволакивая ногу. За ним последовало большинство прибывших.

Остались рядом с нами совсем немногие – судя по холщовой одежде и простым латунным или медным амулетам, послушники и младшие жрецы. И только сейчас, в прорехах уходящей делегации старших жрецов я наконец увидел форменные одежды законоговорителей. Впрочем, рассматривал их недолго – в одну из образовавшихся брешей полукруга навстречу нам вышел еще один жрец в белых одеждах. Единственный из оставшихся рядом старших жрецов, выглядящий уже белой вороной – на фоне блеклых и серых одежд остальных. У подошедшего к нам также был в руках посох; но новый собеседник, в отличие от верховного жреца, на него

не опирался – просто нес как символ власти. Кроме того, этот старший жрец был молод... даже оскорбительно молод для жреца.

Да и выглядел он довольно необычно: внимательный и проницательный взгляд (без огонька фанатизма и фатализма как у большинства жрецов северных богов), аккуратная стрижка, фигурно выбритая короткая борода. Ни у кого из тех старших жрецов, кто только что стоял рядом, ничего подобного во внешности не наблюдалось. И этот господин явно не только слуга богов, но и политик – определенно часто снимает свой белоснежный балахон, облачаясь в деловой костюм.

Всего один взгляд, а уже сколько неожиданных выводов: получается, что жреческое лобби настолько захватило влияние в объединенном совете, что для того, чтобы получить хоть какую-то власть, политики надевают жреческие рясы.

Интересно, интересно. Но еще более интересным мне показался амулет остановившегося напротив нас молодого жреца – в виде золотого рога. Перед нами сейчас оказался слуга Хеймдалля, проводника и стража Асгарда, обиталища Северных богов. Бог, который близок возможностями к Янусу из имперского пантеона.

Некоторое время мы в молчании стояли друг против друга. После этого слуга Хеймдалля коротко нам поклонился и передал свой посох власти сопровождающему ассистенту – знак, что он будет сейчас говорить не от имени объединенного собрания.

– Кайден Доминик Альба де Рейнар, – произнес слуга Хеймдалля, глядя на меня своим проницательным взглядом. – Венсан из Корпуса Спарты, – повернулся он дальше. – И... – взгляд серых глаз остановился на Ливии.

– Ливия из Корпуса Спарты, – представилась она.

– Как вам будет угодно, ваше высочество, – кивнул ей жрец как ни в чем не бывало и посмотрел на меня. – Лорд Рейнар, вы только что убили старшего трибуна Инквизиции.

– Было такое, – кивнул я, не став отрицать очевидное.

За некоторым сарказмом ответа я скрыл удивление от недавних слов жреца. «Ваше высочество», надо же. Нет, я конечно предполагал, что Ливия не так проста, как кажется – особенно после ее признания о нашем родстве, но не до такой же степени. О чем еще она умолчала, интересно?

– Лорд Рейнар, вы навлекаете на весь Северный протекторат гнев Римско-Септиколийской Империи, – неожиданно произнес слуга Хеймдалля.

Странно. Он в жреческой рясе, но при этом говорит, словно политик подчиняющейся имперским законам местной администрации. Очень опасный способ занимать сразу два стула.

– Как я могу к вам обращаться?

– Мое имя Альфред Сигурдссон, если вам будет угодно. Но мое имя не так важно, потому что я сейчас обращаюсь к вам как посланник общественной палаты при объединенном совете. Можете называть меня просто посланник Сигурдссон.

Надо же. Общественная палата при объединенном совете. Да, в Северном круге всегда с разделением власти все было непросто. Как сказал недавно Кавендиш: «...каждая пустая от скал поляна – отдельная Земля, на которой каждый третий обладатель меча объявляет себя лендлордом, а когда на поляне в пределах трех сосен собирается больше десяти человек, у них сразу начинается тинг, если до этого не началась пьянка или драка». Ничего не изменилось, с поправкой конечно на прошедшие века и новые названия институтов власти. Общественная палата, надо же.

– Хорошо, посланник Сигурдссон, – кивнул я. – Обращайтесь от имени общественной палаты, внимательно слушаю.

– Лорд Рейнар, вы навлекли на весь Северный протекторат гнев Римско-Септиколийской Империи, – не смутившись, повторил недавнее утверждение Сигурдссон.

– Это печально, – кивнул я.

– Выдвинутые вами обвинения к лорду Дракенсбергу весьма серьезны, – еще раз произнес посланник.

– Мои обвинения – лишь следствия поступков Дракенсберга, только и всего.

Посланник Сигурдссон явно ждал моих расширенных комментариев, я же не торопился говорить сверх меры. Так-то он все правильно делает – определенно стелит соломку для себя. И говорит на публику – потому что, когда Империя сюда вернется, он будет иметь доказательства того, что от имени общественной палаты сразу же сказал мне, что я немного не прав.

Ладно, мотивы посланника прозрачны и понятны, главное он уже сказал, прикрыв свою общественную палату перед дознавателями Империи (да и весь объединенный совет, думаю, с верховным жрецом его выступление согласовано), поэтому пора этот балаган закруглять. Но я не успел ничего сказать, потому что в разговор вмешалась Ливия, которая уже явно хотела оказаться в здании с благами цивилизации.

– Посланник Сигурдссон. Мы, как получившие защиту объединенного совета, желаем воспользоваться гостеприимством Нордхейма, – нарушила она паузу.

– Всенепременно. Я как раз хотел пригласить вас на обед, – неожиданно изменил тон посланник на доброжелательный. – Следуйте за мной.

Не дожидаясь ответа, посланник развернулся и пошагал прочь. Мы коротко переглянулись и двинулись следом. Оставшаяся часть младших жрецов при этом пошли вместе с нами, причем ненавязчиво взяв нас в кольцо. Охраняя, сопровождая и, наверное, даже оберегая от возможных необдуманных действий инквизиторов – если кому-то вдруг захочется нарушить высказанную волю совета. Если среди них найдется такой герой или дурак.

Через расступившуюся толпу зрителей удалившись с главной площади, петляя по узким улочкам между приземистых домов Нордхейма, наша многочисленная и плотная группа довольно быстро вышла к массивной каменной стене, поросшей мхом и местами увитой плющом. Пока шли вдоль стены, я заметил осыпавшиеся покатые остатки земляного вала, оплывшие очертания волчьих ямы и сгнившие кольца.

Выглядело все давно брошенным, но это запустение было искусственным, наносным: туристические места. Старый лагерь Девятого «Ледяного» легиона, который располагался здесь со времен еще старой эпохи, Эпохи Империи. Еще до волчьих веков и до наступления новой эры Дракона.

Вскоре по утоптанной и огороженной туристической тропе наш отряд подошел к воротам – широко распахнутым, охраняемым парой полицейских. Еще несколько недель назад здесь наверняка стоял караул из легионеров Рима, но Девятый «Ледяной» легион из Скаргейла ушел. Снова. Как и тысячелетие назад, когда Король и Император начинали отсюда, из сердца Северного круга, свой кровавый путь.

Колесо истории словно совершило поворот, возвращая события в прежнее русло. Даже ситуация с преобладанием в совете старейшин совершенно идентичная, хмыкнул я, находя все больше соответствий происходящих событий с прочитанной недавно сагой о кровавых братьях.

На нашу идущую через ворота процессию, кстати, полицейские внимания показательно не обратили. За воротами оказалось небольшое пространство внутреннего двора с сувенирными лавками, и еще одна стена – повыше первой. Здесь ворота уже были закрыты, и здесь также на страже стояли полицейские нордлингов. Пропуская нас, створки ворот распахнулись, и мы двинулись по территории легионного лагеря. Теперь уже шагая по закрытой к посещению территории воинской части, почти полностью застроенной современными постройками.

Многочисленные здания казарм стояли пустые, в обезлюдевшем лагере практически никого не было. Вперед стелилась широкая и пустынная улица, в конце которой была видна площадь форума и белоснежные, явно обновляли недавно, стены штаба. В полнейшей тишине

пройдя по опустевшему, покинутому легионом лагерю, мы по форуму прошли мимо здания претория и зашли в дом командующего легионом.

Это было одно из немногих сохранившихся «старых» зданий в лагере. Здание старой архитектуры старого лагеря; его камни помнили события минувших эпох; поэтому, едва мы оказались внутри, я с интересом огляделся в большом и увенчанном колоннадами атриуме.

Здесь, за прошедшие века, внешне мало что изменилось. На зеркальной поверхности имплювия – неглубокого бассейна, куда стекала вода из крупного квадратного отверстия в крыше, плавали розовые и белые лепестки цветов. Белели в тени вдоль стен мраморные статуи между колоннами колоннады, блестели позолотой фрески, по боковым стенам едва колыхались невесомые полупрозрачные занавески в арках проходов в другие помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.